

ЧЕРНЫЕ СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

КТО И КОГДА КУПИЛ РОССИЙСКУЮ ИМПЕРИЮ

РЕВОЛЮЦИЯ И ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В РУБЛЯХ И МИФАХ

Максим Кустов

Максим Владимирович Кустов
Кто и когда купил Российскую империю
Серия «Черные страницы истории»

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=5806961

Кустов, Максим Владимирович Кто и когда купил Российскую империю: АСТ; Москва; 2013

ISBN 978-5-17-077850-8

Аннотация

Эта книга о мифах и ключевых, но малоизвестных и изученных моментах Революции 1917 года и Гражданской войны написана автором бестселлера «Цена Победы в рублях» Максимом Кустовым, чья дотошность и невероятное везение в нахождении неизвестных, шокирующих и переворачивающих все представление об истории фактах стала притчей во языцех.

Содержание

Предисловие	4
Введение	5
От золотых рублей к рулонам «керенок»	5
Центр	10
Мрачная заря новой жизни	12
Пир и голод во время чумы	18
Новые деньги новой власти	26
Зачем врагам рубли?	27
Штаны для Эренбурга	30
Сибирь, Урал и Дальний Восток	33
Необыкновенные приключения чехословаков в Сибири	34
Круговорот властей в природе	36
Верховный адмирал России	39
«Обращение адмирала Колчака к населению	40
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Максим Кустов

Кто и когда купил Российскую империю

Предисловие

Обычно, когда речь заходит о войнах, в том числе и гражданских, вспоминают о решающих сражениях, о роли полководцев, о том, почему кто-то победил, а кто-то проиграл. При этом как-то не принято подробно освещать, как на фоне гигантских исторических событий жили люди, как они обеспечивали свое существование.

Вспоминая Гражданскую войну в России, мы до сих пор спорим, кто был прав – белые или красные, стала ли победа красных величайшим национальным бедствием в нашей истории или обеспечила грандиозную научно-техническую революцию, предопределила победу в величайшей из войн – Второй мировой, позволила стране первой в мире послать человека в космос.

Конечно, военно-исторические вопросы о том, насколько ошибки и успехи полководцев предопределили исход Гражданской войны, вызывали и будут вызывать значительный интерес. Но, на взгляд автора этой книги, не менее интересно узнать о том, как жили военные и гражданские люди в невероятных условиях общенациональной смуты. Кажется невероятным, что в условиях распада великого государства, взамен которого образовалось множество больших и малых псевдогосударственных образований, продолжали играть роль ценностного эквивалента бумажные деньги.

Казалось бы, что могут стоить деньги давным-давно свергнутых царского и Временного правительств? Тем не менее, пусть и изрядно обесценившиеся, они все же не превратились в полную макулатуру. Кое-что на них можно было купить.

Книга, представленная вниманию читателя, поможет ему составить некоторое представление о том, какую роль играли деньги и их заменители в условиях хаоса Гражданской войны на территориях РСФСР и Украины.

Введение

От золотых рублей к рулонам «керенок»

Белые, зеленые, золотопогонные... Эти слова песни из замечательного фильма «Бумбараш» о неразберихе Гражданской войны с полным правом можно отнести не только к воюющим сторонам, но и к экономике тех времен – от военного коммунизма большевиков до «свободного» во всех смыслах предпринимательства на территориях, оккупированных немцами или занятых белыми и их западными союзниками-интервентами.

В 1918–1922 гг. экономические взаимоотношения достигли просто фантастического разнообразия. В ходу были и большевистские экспроприации и в белой зоне безудержная спекуляция буквально всеми товарами, а иногда даже и воздухом, натуральный обмен, денежные операции, для которых использовались как деньги, выпускавшиеся тогда не только многочисленными правительствами буквально в каждом отдельно взятом городе, но и твердые иностранные валюты. Мало того, деньги тогда приобретали иногда тоже самые фантастические формы – от еще сохранившихся «керенок», которые выдавали просто рулонами наподобие обоев, или советских рублей до «сибирок» Колчака, деникинских «колокольчиков», читинских «воробьев» и «голубков», украинских «горпинок» и «либедь-юрчи-ков» («лебедь-юрчики»), одесских рублей, олонечских бон и бесконечного множества других денег времен Гражданской войны.

А ведь еще совсем недавно, в 1914 году, рубль Российской империи считался одной из самых твердых и надежных национальных валют. С чего же началась национальная экономическая катастрофа?

1 августа 1914 года Российская империя вступила в войну, впоследствии названную Первой мировой. Надежды на ее скорое окончание не оправдались, война длилась долгие четыре с лишним года. Помимо бедствий военных, она повлекла за собой и неизмеримо более серьезные политические и экономические потрясения, конечным итогом которых стала Октябрьская революция 1917 года и последовавшая за ней Гражданская война. Ведь обязательным спутником любых затяжных военных действий является инфляция. Вести войну – очень дорогое удовольствие, и даже богатым странам приходится включать печатный станок (а заодно и делать займы, как внутренние, так и внешние). А неизбежным следствием гражданской войны (или поражения в войне обычной) становится гиперинфляция – число нулей на ничем не обеспеченных банкнотах стремительно растет. Сомнительная честь постановки рекордов в области гиперинфляции, к счастью, принадлежит не нашей стране – у нас не было купюр с номиналами в секстиллион (миллиард триллионов, 10 в 21 степени, Венгрия, 1946) или 100 тысяч миллиардов (Германия, 1924), во время Гражданской номиналы купюр Госбанка России дошли у нас только до миллионов¹.

В Первую мировую войну Россия вступила, обладая твердой и надежной национальной валютой. После денежной реформы 1898 года царский рубль имел золотое обеспечение, причем к 1914 году золотой запас превышал сумму находящихся в обороте бумажных денег, так что в случае необходимости государство могло допечатать более 300 миллионов рублей.

¹ Интернет-сайт «Деньги Гражданской войны».

Но уже 27 июля 1914 г. в Российской империи был принят закон, приостанавливающий обмен бумажных денег на золото (так сделало и большинство стран, участвовавших в войне). Этот же закон давал право Государственному банку печатать деньги, не обеспеченные золотом в размере до 1 500 миллионов рублей. На самом же деле к 1917 году было напечатано уже 6 500 миллионов. Причем реальное обеспечение бумажных денег золотым запасом к этому моменту составляло всего 16 %.

Естественно, следствием обесценивания денег стала огромная инфляция. В 1915 году она еще составляла всего 30 %, но в 1916 г. уже скакнула до 100 %. Государственным служащим уже с 1915 г. в обязательном порядке индексировали жалованье с учетом инфляции, но и это не спасало от роста цен. Дошло до того, что в конце 1916 г. правительство сделало попытку провести подобие продразверстки – т. е. изъятия части урожая по твердым ценам, но натолкнулось на откровенный саботаж со стороны крестьян, ведь цены на рынке были в разы выше, к тому же обеспечение сельских жителей промышленными товарами по твердым ценам никто не гарантировал.

В марте 1917 г. к власти в России пришло Временное правительство во главе с князем Львовым (его потом сменил А.Ф. Керенский), которому удалась фантастическая вещь – за краткий срок превратить пусть и находящееся в кризисе, но устойчивое государство в беспорядочно разваливающийся колосс. Достаточно отметить, что за 8 месяцев своего существования, помимо развала армии, амнистии уголовников и уничтожения полиции оно выпустило столько же денег, сколько царское за два с половиной года войны – общая сумма эмиссии составила 6412,4 миллиона рублей (это не считая разменных марок на 95,8 миллиона и разменных казначейских знаков на 38,9 миллиона)².

До 1917 г. самой крупной российской купюрой были 500 рублей. До начала Первой мировой войны это была очень большая сумма. Но к 1917 г. деньги настолько обесценились, что это составляло месячный заработок квалифицированного рабочего. К тому моменту, когда Временное правительство приступило к выпуску денег, ситуация стала настолько катастрофичной, что печатать стали сразу купюры достоинством 250 и 1000 рублей (т. н. «думские деньги»). Но и этого было недостаточно – цены росли уже до заоблачных высот. Дошло до того, что в некоторых регионах уже явочным порядком возникал натуральный обмен за отсутствием или полной бесполезностью денег.

Отчаянной попыткой Временного правительства продлить агонию традиционно сложившихся товарно-денежных отношений был выпуск знаменитых «керенок» – бумажных денег достоинством в 20 и 40 рублей. Более бесполезных денег в истории России еще не было. Их даже не подделывали – поскольку печатали их на обычной бумаге (годились даже бумага для этикеток), делать это можно было в любой типографии. Учитывая их низкое достоинство, «керенки» выпускали целыми листами, даже не разрезанными на купюры. Впрочем, разрезать их не было никакой нужды – при ценах тех времен гораздо проще было расплачиваться целыми рулонами. Но очень скоро и такая надобность отпала – Временное правительство свергли и «керенки» практически вышли из оборота. Чаще всего счастливые обладатели таких рулонов использовали их для оклейки стен. Вот как отзывался о ситуации, возникшей к началу 1918 г., С.Е. Хитун, впоследствии оказавшийся в эмиграции в Китае: «У меня были деньги, выпущенные Правительством Керенского, но крестьяне охотнее обменивали съестные продукты на одежду, чем на быстро терявшие ценность деньги уже не существующего Правительства»³.

В октябре 1917 года произошло эпохальное в российской истории событие – власть в стране захватили большевики, создавшие новое правительство – Совет народных комис-

² Интернет-сайт «Деньги Гражданской войны».

³ Хитун С.Е. Дворянские поросята. Б/и. 1975.

саров (Совнарком). Им досталось тяжелое наследство – государство находилось на грани краха. Но помимо накопленного политического опыта, управленческих практиков среди них не было. Тем не менее они инстинктивно нащупали единственно верный путь среди воцарившейся в условиях Гражданской войны к концу 1918 года экономической разрухи. Этим путем было введение экономической политики военного коммунизма. Не говоря уже о том, что это было во многом воплощением идей, которым следовали большевики, военный коммунизм стал наиболее разумным выходом из сложившейся ситуации.

Национализация всего, что только можно национализировать, запрет частной торговли и государственная монополия на торговлю основными видами сельхозпродукции и внешнюю торговлю, продразверстка, которую осуществляли продотряды, попытка создания трудовых армий (кстати, что-то вроде наших трудовых армий времен военного коммунизма создал в начале тридцатых годов Рузвельт в демократической Америке). Предпринимались и попытки если не избавиться от денег совсем, то хотя бы свести их обращение к минимуму. Теми деньгами, что были в обращении, государственным служащим и рабочим промышленных предприятий выдавалась лишь часть зарплаты, остальное выдавалось натурой – продовольственными пайками (плюс бесплатная рабочая одежда и коммунальные услуги). Но упразднить деньги с ходу одним волевым решением было невозможно.

В наследство от предшественников советской власти достался Государственный банк, Экспедиция заготовления государственных бумаг (будущий Гознак), Монетный двор и часть золотого запаса страны (в 1915 году, во время Великого отступления, золотой запас на всякий случай эвакуировали в Казань и Нижний Новгород. В 1918 году примерно половина золотого запаса, вывезенная в Казань, оказалась у белых). Одним из первых декретов новой власти был декрет от 14 (27) декабря «О национализации банков». Банк в стране остался один – бывший Государственный, ныне Народный. Запасы наличности («романовские», «думские», «керенские») у этого банка быстро закончились. Ведь теперь уже новой власти требовалось платить зарплаты, пособия, пенсии, закупать продовольствие.

И уже 21 января (3 февраля) 1918 года выходит декрет ВЦИК, согласно которому в обращение наряду с кредитными билетами в качестве денег вводились 5-процентные краткосрочные обязательства государственного казначейства, выпущенные незадолго до Октября. И это был первый из декретов и циркуляров подобного рода. Число ценных бумаг, доставшихся в наследство от царского и Временного правительств, заменявших деньги, неуклонно росло. В это число попали не только облигации недавнего Займа Свободы, но и, например, экзотические купоны 5-процентного внутреннего займа... 1864 года. Всего в обращении оказались три категории ценных бумаг и четыре десятка разновидностей купонов – по всей видимости, все, что удалось найти.

На 1918 год большевиками была запланирована денежная реформа, о которой Ленин писал: «Мы назначим самый короткий срок, в течение которого каждый должен будет сделать декларацию о количестве имеющихся у него денег и получить взамен их новые; если сумма окажется небольшой, он получит рубль за рубль; если же она превысит норму, он получит лишь часть. Мера эта, несомненно, встретит сильнейшее противодействие не только со стороны буржуазии, но и со стороны деревенских кулаков, разбогатевших на войне и зарывших в землю бутылки, наполненные тысячами бумажных денег. Мы встретимся грудью с грудью с классовым врагом»⁴. Увы, в стране началась Гражданская война, и вместо денежной реформы пришлось вводить военный коммунизм.

В 1918 году советская власть продолжила печатать стремительно обесценивающиеся «керенки». Использовались клише, оставшиеся от Временного правительства. На этих

⁴ Ленин В.И. Доклад на 1 Всероссийском съезде представителей финансовых отделов Советов // ПСС. Т. 36. Изд. 5. М.: Политиздат, 1969. С. 354.

купюрах дата «1918» сочеталась с гербом уже не существующего государства – двуглавым орлом, лишенным царских регалий. Покупательная способность «керенок» советского выпуска стала еще более мизерной, изменилось и народное название этой «валюты» – в честь управляющего Госбанком РСФСР Л.Г. Пятакова «керенки» были прозваны «пятаковками».

С ноября 1917 по первую половину 1921 года советским правительством было введено в оборот 2328,3 млрд руб. (в результате денежная масса возросла в 119 раз). И даже этой астрономической денежной массы не хватало на покрытие бюджетного дефицита – в 1921 году он составил 21 936 916 млрд рублей.

До войны промышленной продукции выпускалось на общую сумму 66,5 млрд золотых рублей (до войны), к 1921 году этот показатель сократился до 700–800 тысяч золотых рублей. За тот же период производство сельхозпродукции упало с довоенных 5 миллиардов до 1,6–1,8 миллиарда.

К марту 1921 года цены в сравнении с довоенными выросли в 30 тысяч (!) раз. Комментарии к этой печальной статистике излишни.

Как писал один из вождей Белого движения генерал Краснов (его высказывания, конечно, крайне пристрастны по отношению к большевикам, но не лишены зерна истины): «Люди отвыкли работать и не желали работать, люди не считали себя обязанными повиноваться законам, платить подати, исполнять приказы. Необычайно развилась спекуляция, занятие куплей и продажей, которое стало своего рода ремеслом целого ряда лиц и даже лиц интеллигентных. Большевистские комиссары насадили взяточничество, которое стало обыкновенным и как бы узаконенным явлением.

В стране, заваленной хлебом, мясом, жирами и молоком, начинался голод. Не было товаров, и сельчане не хотели везти свои продукты в города. В городах не было денежных знаков, и их заменяли суррогаты, купоны Займа Свободы и другие, что до крайности затрудняло торговлю...»⁵ Конечно, в первую очередь Краснов имел в виду ситуацию, сложившуюся под властью большевиков накануне прихода белых, на юге страны, но это высказывание во многом применимо и ко всей России.

Гражданская война не мешала экономистам спорить о том, как привести денежную систему в порядок. Самым очевидным выходом из сложившегося положения был выпуск новой денежной единицы, обеспеченной или золотом, или иностранной валютой, которую можно обменять на золото (золотодевизный стандарт). По сути дела, это был возврат к довоенному царскому рублю. Но, например, экономист и статистик С.Г. Струмилин (будущий академик АН СССР) предлагал альтернативный вариант – не встраивать советскую валюту в мировую финансовую систему, а обеспечивать только внутренний рынок – денежная масса должна полностью соответствовать товарной массе.

Денежная реформа была неизбежна. Гражданская война закончилась убедительной победой красных, и сохранять в неприкосновенности систему военного коммунизма было бы для советской экономики самоубийством.

15 марта 1921 года на X съезде РКП(б) было объявлено о новой экономической политике. В экономике должны были соседствовать государственный и частный сектора. Планировалось и привлечение иностранного капитала при помощи предоставления концессий. Продразверстка, ставшая причиной крестьянских восстаний, заменялась продналогом. И разумеется, никакая новая экономическая политика была невозможна без нового рубля. В спорах победили сторонники золотого обеспечения новой советской валюты. 11 октября

⁵ Краснов П.Н. Всевеликое войско Донское // Архив русской революции. Т. 5. Берлин: 1922.

1922 года декретом СНК была введена новая денежная единица – червонец. Золотое обеспечение новой валюты составило 1 золотник и 78,24 долей золотом (1 золотник – 4,26575417 грамма, в золотнике 96 долей).

Надо отметить, что реформа оказалась чрезвычайно удачной, червонец быстро был признан населением надежной валютой, в чьей ценности не сомневались.

Такова общая канва послереволюционного развития экономики вплоть до окончания Гражданской войны. Но все это касается именно экономической политики нового правительства, его принципиальных решений по стабилизации жизни. Чем же все эти декреты аukaлись на местах и что творилось на территориях, занятых красными, белыми и их союзниками, немецкими оккупантами на Украине, в Диком поле махновских банд и всевозможных «батек»?

Как это ни покажется странным, полного обесценивания бумажных денег и перехода на систему обмена товара на товар все же не произошло.

Центр

Раньше и тяжелее всего последствия двух революций 1917 года отразились в крупных городах, в первую очередь в силу их зависимости от работы городских коммуникаций, транспорта и поставок продовольствия из сел. В 1917 году сохранялось еще какое-то подобие прежней жизни, но центробежные силы разрушения прежних устоев все стремительнее набирали силу. Разложение коснулось буквально всех слоев общества. Жили, что называется, как в последний день.

Вот что вспоминал известный писатель Илья Эренбург о своем пребывании в 1917 году в Петрограде и Москве: «(*Петроград*. – Авт.) На улицах ловили дезертиров; патрули, проверявшие документы, сами походили на дезертиров. Однажды я видел, как два офицера отобрали у женщины мешок с сахарным песком. Она вопила: «Ироды!..» Когда она ушла, один из офицеров крикнул вслед, что скоро ее приставят к стенке – Керенский потекает мешочникам, но и на него найдется управа. Потом офицеры, не стесняясь прохожих, поделили между собой добычу.

В магазинах можно было купить гаванские сигары, севрские вазы, стихи графини де Ноай. В кондитерских подавали кофе с медом (сахара уже не было), а вместо пирожных – тоненькие ломтики белого хлеба и повидло. Извозчики больше не говорили про овес, только угрюмо ругались. Один поэт, с которым я познакомился в редакции “Биржевки”, сказал: “Единственная надежда на генерала Корнилова. Его зовут Лавр – это символично...”

Валерий Яковлевич (Брюсов) жил на Первой Мещанской (*Москва*. – Авт.); чтобы попасть к нему, я должен был пересечь знаменитую Сухаревку. Если Ватикан в Риме – независимое государство, то таким государством в Москве 1917 года была Сухаревка; она не подчинялась ни Временному правительству, ни Совету рабочих депутатов, ни милиции. Прекрасная башня высилась над грандиозным рынком; здесь, кажется, еще жила Древняя Русь с ее слепцами, певшими заунывные песни, с нищими, с юродивыми. Матерщина перебивалась причитаниями, древняя божба – разговорами о «керенках», о буржуях, о большевиках. Кого только тут не было: и дезертиры, и толстушие бабы из окрестных деревень, и оказавшиеся безработными гувернантки, экономки, приживалки, и степенные чиновницы, и воры-рецидивисты, и сопляки, торговавшие рассыпными папиросами, и попы с кудахчущими курами. Все это шумело, чертыхалось, покрикивало, притопывало – человеческое море...

Все начинают беседовать о пеонах и ямбах, о символистах и футуристах. Лишь четверть часа спустя по поводу пастилы, стоящей семь рублей и заменяющей сахар, все возвращается на землю. И снова стонет интеллигент:

– Хамы! Палку! Генерала!..

Издеваясь над другими, я издевался над собой: я не мечтал ни о палке, ни о генерале, ни о дешевой пастиле, но понять происходящее не мог.

Москва жила, как на вокзале, – в ожидании третьего звонка. Устраивали облавы на дезертиров. Ругались повсюду, а особенно в трамваях, которые ползли, облепленные людьми. В “Метрополе” отчаявшиеся либералы пили французское шампанское, расплачиваясь большими листами неразрезанных “керенок”; по привычке они бормотали, что нужно спасти Россию, может быть, им и хотелось спасти себя, но они больше ни во что не верили. В кафе “Бом” новоиспеченные издатели уверяли, что издадут “Гавриилиаду”, мемуары Распутина и полное собрание сочинений любого из нас; некоторые быстро остывали к издательскому делу и переходили на мануфактуру или на сахар. В чайных на Шаболовке люди угрюмо ждали развязки...

Я упоминал о кафе “Дом” на Тверской, куда часто заглядывали писатели; там мы пили кофе и делились новостями. Были другие кафе, где мы работали, – за тридцать или за пять-

десять рублей читали свои произведения перед шумливыми посетителями, которые слушали плохо, но глядели на нас с любопытством, как посетители зоопарка глядят на обезьян. Кафе эти были эфемерными – названия то и дело менялись: “Кафе поэтов”, “Трилистник”, “Музыкальная табакерка”, “Домино”, “Питторекс”, “Десятая муза”, “Стойло Пегаса”, “Красный петух”...»⁶

⁶ Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Т. 1. М.: Текст, 2005.

Мрачная заря новой жизни

Очень интересные воспоминания о петроградской жизни вообще в конце 1917 года и быте большевистского Смольного в частности оставил служивший тогда в комендатуре Смольного П.Д. Мальков (впоследствии, после переезда правительства в Москву, он стал комендантом Кремля):

«Немало хлопот доставляли мне вопросы продовольствия, отопления. В Петрограде не было продуктов, не было дров. Город жил впроголодь. Из окон роскошных барских особняков торчали короткие, изогнутые коленом трубы “буржук” – небольших железных печурок, дававших тепло только тогда, когда топились. Их ненасытные пасти поглощали стильную мебель красного дерева, шкафы мореного дуба, дорогой паркет, и все равно в квартирах стоял собачий холод.

Частенько мерзли и мы в Смольном, мерзли в своих кабинетах наши руководители, мерз Ленин. Уголь и дрова доставались ценой героических усилий, но порою в доставке бывали перебои, а зима, как назло, выдалась лютая.

Не легко было в Смольном и с продовольствием. Смольный питался так же, как и весь рабочий Питер. Для сотрудников Смольного была организована столовая, в которой мог получить обед и любой посетитель, лишь бы он имел пропуск в здание. Здесь, в этой столовой, питались и руководители ВЦИК, и ВРК, и наркомы, забегавшие из своих наркоматов в Смольный.

Столовую обеспечивали продуктами продовольственные отделы ВРК и Совета, а что это были за продукты? Пшено да чечевица, и то не каждый день. Бывало, в тарелке с супом можно было по пальцам пересчитать все крупинки, причем вполне хватало пальцев на руках. Второго же не было и в помине.

Особенно тяжело было ответственным товарищам, работавшим чуть не круглые сутки напролет, на пределе человеческих сил, без отдыха. А ведь у многих из них здоровье было подорвано тюрьмой, годами тяжких лишений. Каково им-то было вечно недоедать, недосыпать? Кое у кого дело доходило до голодных обмороков.

В конце 1917 года вызвал меня Яков Михайлович и велел организовать в Смольном небольшую столовую для наркомов и членов ЦК. Нельзя, говорит, так дальше. Совсем товарищи отощали, а нагрузка у них сверхчеловеческая. Нужно народ поддержать. Подкормим хоть немногих – тех, кого сможем.

Организовал я столовую. Обеды в ней были не бог весть какие: то же пшено, но зато с маслом. Иногда удавалось даже мясо достать, правда, не часто. Но все-таки наиболее загруженных работников и тех из товарищей, у кого особенно плохо было со здоровьем, поддерживали.

Комендатура делами столовой не занималась, но довольствие охраны лежало на нас. Вот тут-то и приходилось туго. Первое время, когда основное ядро охраны составляли матросы, было немного полегче. Нет-нет, но то с одного, то с другого корабля продуктов подкидывали. В складах морского интендантства кое-что имелось, и флот до поры до времени снабжали. Матросов, однако, становилось в охране все меньше и меньше: кому давали самостоятельные поручения, кто уходил драться с Калединым, поднявшим восстание на Дону, с Дутовым под Оренбург; на Украину. Связь с кораблями постепенно ослабевала, и с продуктами становилось все труднее и труднее. Сплошь и рядом самому приходилось воевать с продовольственниками, чтобы хоть чем-то накормить людей.

Иногда, правда, выдавались счастливые случаи, когда при ликвидации какой-нибудь контрреволюционной организации, тайного притона или шайки спекулянтов (нам постоянно приходилось участвовать в таких операциях) мы обнаруживали нелегальные склады продо-

вольствия, которые тут же реквизируют. Один раз захватили 20 мешков картофеля, другой – большой запас сухарей, как-то – 2 бочонка меду, всяко бывало. О каждой такой находке я докладывал Ревкому, и иногда некоторую часть продуктов передавали в продовольственный отдел Смольного, остальное же – в городскую продовольственную управу.

Особенно повезло нам как-то раз с халвой. Разузнал я, что в одном из пакгаузов Николаевской железной дороги давно лежит около сотни ведер халвы, а хозяин исчез, не обнаруживается.

Я тут же доложил Варламу Александровичу Аванесову, секретарю ВЦИК и одному из руководителей Ревкома. Надо, говорю, подумать, как быть с той халвой.

– А что тут думать, – отвечает Аванесов, – пропадать добру, что ли? Тащи халву сюда, будем хоть чай с халвой пить.

В тот же день провел он это решение в Ревкоме, и я доставил в Смольный чуть не целую подводу халвы.

А то конфисковали один раз 80 подвод муки. Привезли в Смольный и сложили мешки штабелем в одной из комнат, вроде склада получилось. Выставил я охрану из красногвардейцев, велел никого до мешков не допускать, а сам доложил Ревкому.

Обычно Ревком такие вопросы быстро решал, а на этот раз дело что-то затянулось. Лежит себе мука и лежит, пост рядом стоит, будто все в порядке. Только зашел я как-то в караульное помещение, что такое? В комнате – чад, блинами пахнет, да так аппетитно – слюнки текут. Глянул, а ребята приспособились, достали здоровенную сковороду и на «буржуйке» лепешки пекут.

– Это, – спрашиваю, – что такое? Откуда?

Молчат. Наконец один молодой парень, путиловец, шагнул вперед.

– Товарищ комендант, может, и нехорошо, но ведь жрать хочется, спасу нет, а мука – вот она, рядом лежит. Все равно нашему же брату пойдет, рабочему. Не буржуям ведь? Ну, мы и того, малость реквизируем...

Он замялся и замолчал, и я молчу. Что ему скажешь? Вроде должен я их изругать, может, даже наказать, а язык не поворачивается; сам знаю, изголодались ребята.

– Насчет муки понятно, а масло откуда?

– Масло? Так это масло не простое, святое вроде... Мы его в здешней церкви нашли (в Смольном была своя церковь, я велел стащить в нее всю ненужную мебель).

– В церкви?..

– В церкви, товарищ комендант. Там, почитай, все лампы были полные, ну мы их и опорожнили.

– Ну, – говорю, – раз в церкви, тогда дело другое. «Святую» лепешку и мне не грех бы отвесть!

Все разом заговорили, задвигались, уступили место возле «буржуйки». Лепешки оказались вполне съедобными. Я ребятам сказал: жарить жарьте, но домой – ни-ни, ни горстки муки! Они меня заверили, что и сами понимают. Еще несколько дней красногвардейцы питались лепешками, а там муку увезли, и праздник их кончился...

Подвойский быстро направился к выходу, я за ним. Во дворе ожидала легковая машина, в ней – двое матросов с винтовками. За легкой – грузовик.

Подвойский сел впереди, рядом с шофером, я сзади, на откидное сиденье, и мы тронулись. Грузовик – за нами.

Когда выехали из ворот Смольного, Николай Ильич обернулся ко мне:

– Ты постановление Совнаркома об открытии банков, принятое вчера, знаешь?

Я отрицательно покачал головой.

– Нет, – говорю, – не читал. Мне это постановление ни к чему.

– Директора и служащие банков – саботажники, – продолжал яростно Николай Ильич, – являться в банки являются, а денег не выдают, дверей не открывают. Совнарком вчера обязал все банки возобновить сегодня с десяти часов утра нормальную работу, предупредив директоров и членов правлений банков, что в случае неповиновения они будут арестованы. Вот мы сейчас с этими мерзавцами и побеседуем, проверим, как они выполняют постановление Совнаркома.

Между тем машины подкатили к сумрачному, казенного вида зданию одного из банков и остановились. Мы вышли. С грузовика соскочили несколько матросов и красногвардейцев. Приказав им дожидаться на улице, Николай Ильич направился прямо к парадному входу. Я за ним. Дверь была заперта, хотя времени уже пятнадцать минут одиннадцатого.

На наш энергичный стук дверь слегка приоткрылась, и на пороге показался величественный, с седыми бакенбардами швейцар. Николай Ильич отстранил его, и мы направились на поиски директора.

Смотрим – окошки у касс настежь, все служащие на местах, но на столах пусто, ни одного документа, ни одной денежной купюры. Кто читает пухлый, потрепанный роман, кто – газету, кто просто беседует с соседями. Итальянцы.

Едва поспевая за стремительно шагавшим Подвойским, я вошел вслед за ним в просторный, роскошно обставленный кабинет директора банка. Из-за обширного стола нам навстречу поднялся дородный, представительный господин лет пятидесяти:

– Чем могу...

Николай Ильич гневно прервал его, не дав окончить фразу:

– Почему банк не работает, в чем дело?

Тот молча пренебрежительно пожал плечами. Подвойский взорвался:

– Не желаете отвечать? Наденьте пальто, собирайтесь. Вы арестованы!

Я положил руку на колыт. Толстяк испуганно заморгал глазами. Чуть побледнел, но продолжал хорохориться:

– Позвольте, на каком основании, по какому праву?

– Не позволю! Основание – постановление Совнаркома. Вон оно, у вас на столе. – Николай Ильич указал на листок бумаги, который директор второпях не успел спрятать. – А право – право дано нам народом, хозяином своей страны. Или вы немедленно откроете банк, или...

Директор молча стал одеваться. Банк открывать он не хотел. Мы забрали еще несколько заведующих отделами, посадили в грузовик и отправились в другой банк. Там повторилась та же история.

Набрав таким манером десятка полтора-два руководящих банковских деятелей, вернулись в Смольный. Николай Ильич повел задержанных под охраной нескольких матросов куда-то наверх, а я вернулся в комендатуру. Не прошло и получаса, как арестованных вывели обратно, посадили на грузовик и развезли по местам. Не знаю, о чем с ними говорили, но через час банки были открыты...

...Прошло еще несколько дней. Понемногу я осваивался со своими комендантскими обязанностями, налаживал охрану. Однажды вечером – звонок. Беру телефонную трубку, слышу голос Варлама Александровича Аванесова:

– Зайди в Ревком, срочно.

Поднимаюсь на третий этаж. В просторной комнате Военно-революционного комитета, как всегда, людно. У большого длинного стола сидит несколько человек: Дзержинский, Аванесов, Гусев... У стены, прямо на полу, кинуты матрацы. Здесь спят в минуты коротких передышек члены Ревкома.

Феликс Эдмундович поднял от разложенных на столе бумаг утомленные глаза, приветливо улыбнулся, кивнул на стул:

– Садись!

Я сел.

– Ты про офицерские клубы слыхал? – обратился ко мне Аванесов. – Знаешь, что это такое?

– Слышать слыхал, только знать их не очень знаю, бывать там не доводилось.

– Ну вот, теперь побываешь... Развелось в Питере этих офицерских клубов, как поганых грибов после дождя. И в полковых собраниях, и в гостиницах, и на частных квартирах. Идет там сплошной картеж, пьянка, разврат. Но это хоть и мерзость порядочная, все же полбеды. Дело обстоит хуже: есть данные, что кое-какие из этих клубов превратились в рассадники контрреволюции. Надо прощупать. Возьми четыре-пять матросов порешительнее (народ там с оружием, офицеры, всякое может случиться) и поезжай. Карты, вино, конечно, уничтожишь, клуб прикроешь, а наиболее подозрительную публику тащи сюда, здесь разберемся. Вот тебе адрес одного из клубов, с него и начинай.

Я поднялся.

– Ясно, – говорю. – Можно отправляться?

– Да, действуй.

Вернулся я в комендатуру, отобрал пять человек матросов поотчаяннее, вызвал грузовик, и мы двинулись. По дороге объяснил ребятам задачу. Главное, говорю, не теряться, действовать быстро, энергично. Не дать господам офицерам прийти в себя, пустить в ход оружие...

Подъехали к большому богатому дому. В некоторых окнах свет, а время позднее, за полночь. Поднялись на второй этаж, толкнул я дверь – отперта. Входим в просторную прихожую. Вдоль стены – вешалки, на них офицерские шинели, роскошные шубы, дамские и мужские. Возле большого, в человеческий рост, зеркала на стуле дремлет швейцар. В прихожей несколько дверей, из-за одной доносится сдержанный гул голосов, отдельные выкрики, женский смех, визг.

Увидев нас, швейцар стремительно вскочил, испуганно заморгал. Я молча приложил палец к губам, а другой рукой угрожающе похлопал по пистолету, заткнутому за пояс. Швейцар понимающе кивнул.

Вижу, мужик соображает, можно договориться. Говорю ему шепотом:

– Ну-ка, объясняй географию: что тут за заведение, сколько комнат, как расположены. Много ли сейчас народу, что за публика?

Через несколько минут все стало ясно; большая двустворчатая дверь слева ведет в главный зал, там идет картежная игра. За этим залом две комнаты поменьше – буфет. За буфетом – кухня, в ней «гости» не бывают. Дверь прямо – в туалет, направо – в коридор, вдоль которого расположено несколько небольших комнат. Отдельные кабинеты.

– Только в отдельных кабинетах сейчас редко кто бывает, – пояснил швейцар, – не только господа офицеры, даже дамы совсем стыд потеряли, безобразничают на глазах у всех, в общем зале. Иной раз такое вытворяют, смотреть тошно.

– Ладно, – перебил я швейцара, – безобразия эти прекратим, лавочку вашу прикроем.

Быстро, на ходу наметили план действий: один из матросов остается в прихожей, на всякий случай, если кто попытается бежать. Он же караулит дверь в коридор с отдельными кабинетами. Остальные – в зал: двое остаются в главном зале, трое – в буфетные, собираем всех посетителей, проверяем документы, а там видно будет. Оружие пускать в ход только в крайнем случае.

Выхватили мы пистолеты, дверь – настежь и в зал:

– Руки вверх! Сидеть по местам, не шевелиться.

Мгновенно воцарилась мертвая тишина. Послышалось было пьяное бормотание, истерическое женское всхлипывание, и вновь все смолкло.

Я быстро оглянулся вокруг. В огромной, с высоким потолком комнате по стенам стояло десятка полтора-два столиков. В центре – свободное пространство. Большинство столиков покрыто зеленым сукном, на них – груды бумажных денег, золото, игральные карты. Несколько столов побольше уставлено закусками, бутылками, бокалами вперемежку с грязной посудой.

Вокруг столиков преимущественно офицеры, есть и штатские, несколько роскошно одетых женщин. Одни сидят за столом – таких большинство, – другие сгрудились за спинами игроков вокруг нескольких столиков, где, по-видимому, идет самая крупная игра.

Вдоль стен, между столиками, мягкие невысокие диваны. На них тоже офицеры. Полуобнаженные женщины.

В воздухе плавают густые облака табачного дыма, стоит запах пролитого вина, спиртного перегара, крепких духов... Лица почти у всех землистые, обрюзгшие, под глазами темные круги.

– Советую вести себя спокойно, сидеть на местах. Оружие – на стол, документы тоже. У кого в порядке – отпустим. В случае сопротивления церемониться не будем.

Я многозначительно глянул на свой пистолет.

За столиками засуетились. С мягким стуком на зеленое сукно ложились наганы, офицерские «смит-вессоны», браунинги. Из карманов поспешно вытаскивали офицерские удостоверения, паспорта, разные бумажки. Только что за чудо? Чем больше на столах оружия и документов, тем меньше денег. Вороха банкнот буквально тают на глазах, исчезая, как видно, в карманах игроков. И делается это так ловко, что ничего не заметишь.

Я на мгновение задумался. Насчет денег указаний никаких не было, не говорилось и о личном обыске. Эх, думаю, чего тут церемониться!

– Денег на столах не трогать, они конфискованы!

Тут послышался сдержанный гул, отдельные возгласы. Я чуть повысил голос, и все опять смолкло.

Пока господа офицеры и прочие выкладывали оружие и документы да совали потихоньку деньги в карманы, из буфетной привели еще нескольких посетителей заведения. Кое-кто из них едва держался на ногах, таких ребята не очень почтительно подталкивали в спину.

Мы начали проверять документы, а одного из матросов я послал на всякий случай на кухню посмотреть, нет ли кого там, да заодно раздобыть несколько мешков. Вскоре он вернулся, доложил, что ничего подозрительного на кухне не обнаружил, и принес три мешка.

Проверка документов продолжалась. Тем, у кого они были в порядке, мы предлагали тут же убраться вон. Повторять просьбу не приходилось, и зал постепенно пустел.

Тем временем я взял один из мешков и сгреб в него со столов все деньги и карты. В другой сложил оружие. Затем принялся за вино. Набил порожний мешок бутылками и поволок в туалетную комнату. Одну за другой отбивал горлышки у бутылок и содержимое выливал в раковину.

Покончив с вином, находившимся в зале, я взялся за буфет. Тащу в туалет очередную партию бутылок, смотрю, в дверях, загородив мне дорогу, стоит шикарная дама лет тридцати – тридцати пяти.

Я остановился.

– Вам что, гражданка?

Она молчит, только вдруг ее начинает бить мелкая дрожь, а на накрашенных губах появляется не то какая-то странная улыбка, не то гримаса. Ну, думаю, оказия. Только мне сейчас и дела, что с припадочной дамочкой возиться. Спрашиваю:

– Документы у вас проверили? Раз проверили, можете идти домой, вы свободны.

Она ни с места. А потом как схватит меня за рукав, сама вся трясется и шепчет:

– Матросик, а матросик, зачем добро переводишь? Дай бутылочку вина, всю жизнь буду за тебя Бога молить.

Ну и ну! Вот тебе и шикарная дама!

Отстранил я ее осторожно (все-таки женщина!), подтолкнул к выходу и говорю:

– Идите, идите отсюда, гражданка. Вина я вам не дам, не просите.

Она бух на колени. Обхватила меня за ноги и чуть не в голос кричит:

– Дай, дай бутылку вина! Умираю!

Тут уж меня взорвало. Схватил я ее под мышки, поднял, поставил на ноги, повернул и толкнул к двери. Хватит, мол, тут комедию ломать.

Отскочила она, ощерилась да как завопит:

– Пропади ты пропадом, будь проклят, большевистская зараза!..

Выпалила и бежать. Ну, думаю, и чертова баба. Надо же!

Пока я разделялся с вином, ребята закончили проверку документов. Человек десять офицеров, показавшихся подозрительными, задержали, а остальных выпроводили.

Собрал я всю прислугу и говорю:

– Кто тут у вас главный, разобрать трудно, да нас это и не касается. Зарубите себе на носу и передайте своим хозяевам: ваше заведение по распоряжению Ревкома закрываем. Если что-нибудь такое еще раз обнаружим – всех заберем. Разговор тогда будет коротким.

Вывели мы задержанных, посадили в грузовик и двинулись в Смольный. Оружие, деньги и задержанных офицеров я сдал в Ревком, а ребят отпустил отдыхать. Ночь кончилась, наступило утро.

Следующей ночью опять пришлось ехать другой офицерский клуб закрывать, а там – еще и еще»⁷.

⁷ Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. М.: Воениздат, 1987.

Пир и голод во время чумы

В условиях стремительно наступавшей городской разрухи каждый старался выживать как мог, невзирая на все запреты и декреты новой власти. Вот как описывал московский быт начала 1918 г. откровенный противник советской власти, родственник генерала Мамонтова С.И. Мамонтов, впоследствии сражавшийся на стороне белых в составе Добровольческой армии на юге: «Жизнь в Москве в 1918 году была странная. С одной стороны, ели воблу, а с другой – легко тратили большие деньги, так как чувствовали, что все пропало. Большевицкая власть еще не вполне установилась. Никто не был уверен в завтрашнем дне.

Характерный пример. Вышел декрет: за хранение спиртных напитков – расстрел. Тут многие москвичи вспомнили о своих погребах. В начале войны, в 1914 году, алкоголь был запрещен, и они из патриотизма замуrowали входы в винные подвалы. И даже не помнили, что там у них есть».

Отец и еще трое составили компанию, которая покупала такие подвалы “втемную”. Заранее тянули на узелки – одному попадали редчайшие вина, другому испорченная сельтерская вода.

Каменщик проламывал дверь, возчики быстро грузили вино на подводы и покрывали бутылки соломой, и все моментально увозилось. И каменщик, и возчики получали за работу вино и очень это ценили. Работали быстро и молча.

Отец привозил свою часть на квартиру Федора Николаевича Мамонтова, бутылок двести. Внимательно осматривал и отбирал бутылок двадцать. Потом звал повара и заказывал шикарный ужин по вину.

Я как-то присутствовал при этом и ушам своим не верил.

– К этому вину нужен рокфор, а к этому – оленье седло с шампиньонами... Патэ де фруа гра непременно с трюфелями. Конечно, кофе... – И в этом роде.

Это когда кругом голодали и достать ничего нельзя было. Но за вино все доставалось. Повар без удивления записывал и забирал все остальное вино как валюту.

Отец служил в коннозаводстве и хорошо зарабатывал. Он приглашал четыре-пять человек знатоков и потом, чтобы вино исчезло (мог ведь быть донос), человека четыре молодых. Мы с братом всегда фигурировали. Нас называли “помойкой”, и наша обязанность была после ужина вылакать все вино. Не выливать же его в помойку. Стол был прекрасно накрыт, со многими стаканами у каждого прибора. Отец предупреждал нас вначале не пить, а пригубливать, чтобы не потерять вкус.

– Обратите внимание, – говорил отец, – это настоящий бенедиктин, сделанный еще в монастыре, а не на фабрике. Уника... А это столетний коньяк, такого вам уже в жизни пить не придется... А вот бургундское, Шамбертен. Про него Дюма писал, что д’Артаньян пил его с ветчиной. Ничего Дюма в вине не смыслил. Вот для него и создали патэ де фруа гра с трюфелями – попробуйте.

Сам отец ничего не пил, у него были больные почки... Но вино знал, значит, раньше много пил, иначе как бы он узнал? По окончании ужина отец командовал:

– Ну, помойка, вали!

И мы дули вино стаканами.

– Эх, – сказал кто-то из старших. – Этот Шамбертен нужно бы пить на коленях, а они его лакают стаканами. Дикое времена.

Оставались одни пустые бутылки, и их уносили. Действительно времена были дикие. Пир во время чумы...»⁸

⁸ Мамонтов С.И. Походы и кони //Интернет-сайт «Военная литература».

А вот взгляд на московскую жизнь первой половины 1918 года с другой стороны – московского рабочего С.И. Моисеева: «Москва словно застыла. Трамваи не ходили, замерло движение экипажей. Остановишься, бывало, на Тверской или на Арбате, посмотришь в обе стороны – ни одного автомобиля, ни одной лошади, пешеходов мало. Если сравнить с теперешним движением в Москве, то, пожалуй, тогда в дневное время на улицах людей было меньше, чем теперь в глухие полные часы.

Торговля прекратилась, сквозь запыленные стекла запертых магазинов и лавок можно было разглядеть совершенно пустые полки и голодных снующих крыс. Хозяева магазинов, лабазов и лавок, чьи имена красовались еще на вывесках, подчинялись Советской власти, но считали ее временным злом и надеялись на возрождение старых порядков. Вместе с представителями крупной буржуазии, бывшими владельцами заводов, фабрик и банков, они тайно вредили Советской власти, стремясь вызвать недовольство голодающих рабочих.

Такова была Москва в марте 1918 года, когда я вернулся с Украины...»⁹

Не менее грустную картину рисует и комендант Кремля П.Д. Мальков (после переезда в марте 1918 года советского правительства из Петрограда в Москву): «Против подъезда гостиницы “Националь”, где поселились после переезда в Москву Ленин и ряд других товарищей, торчала какая-то часовня, увенчанная здоровенным крестом. От “Националя” к Театральной площади тянулся Охотный ряд – сонмище деревянных, редко каменных, одноэтажных лабазов, лавок, лавчонок, среди которых громадой высился Дом союзов, бывшее Дворянское собрание.

Узкая Тверская от дома генерал-губернатора, занятого теперь Моссоветом, круто сбегала вниз и устремлялась мимо “Националя”, Охотного ряда, «Лоскутной» гостиницы прямо к перегородившей въезд на Красную площадь Иверской часовне. По обеим сторонам часовни, под сводчатыми арками, оставались лишь небольшие проходы, в каждом из которых с трудом могли разминуться две подводы.

Возле Иверской постоянно толпились нищие, спекулянты, жулики, стоял неумолчный гул голосов, в воздухе висела густая брань. Здесь да еще на Сухаревке, где вокруг высоченной Сухаревой башни шумел, разливаясь по Садовой, Сретенке, 1-й Мещанской, огромный рынок, было, пожалуй, наиболеелюдно. Большинство же улиц выглядело по сравнению с Петроградом чуть ли не пустынными. Прохожих было мало, уныло тащились извозчики на санки да одинокие подводы. Изредка, веерами разбрасывая далеко в стороны талый снег и уличную грязь, проносился высокий мощный “Паккард” с желтыми колесами, из Авто-Боевого отряда при ВЦИК, массивный, кургузый “Ройс” или “Делане-Бельвилль” с круглым, как цилиндр, радиатором, из гаража Совнаркома, а то и “Нэпир” или “Лянча” какого-либо наркомата или Моссовета. В Москве тогда, в 1918 году, насчитывалось от силы три-четыре сотни автомобилей. Основным средством передвижения были трамваи, да и те ходили редко, без всякого графика, а порою сутками не выходили из депо – не хватало электроэнергии. Были еще извозчики: зимой небольшие санки, на два седока, летом пролетка. Многие ответственные работники – члены коллегий наркоматов, даже кое-кто из заместителей наркомов – за отсутствием автомашин ездили в экипажах, закрепленных за правительственными учреждениями наряду с автомобилями.

Магазины и лавки почти сплошь были закрыты. На дверях висели успевшие заржаветь замки. В тех же из них, что оставались открытыми, отпускали пшено по карточкам да по куску мыла на человека в месяц. Зато всюду преуспевали спекулянты. Из-под полы торговали чем угодно, в любых количествах, начиная от полфунта сахара или масла до кокаина, от драных солдатских штанов до рулонов превосходного сукна или бархата.

⁹ Моисеев С.И. Полк рабочей Москвы. М.: Воениздат, 1960. С. 24.

Давно не работали фешенебельные московские рестораны, закрылись роскошные трактиры, в общественных столовых выдавали жидкий суп да пшеничную кашу (тоже по карточкам). Но процветали различные ночные кабаре и притоны. В Охотном ряду, например, невдалеке от “Националя”, гудело по ночам пьяным гомоном полулегальное кабаре, которое так и называлось: “Подполье”. Сюда стекались дворянчики и купцы, не успевшие удрать из Советской России, декадентствующие поэты, иностранные дипломаты и кокотки, спекулянты и бандиты. Здесь платили бешеные деньги за бутылку шампанского, за порцию зернистой икры. Тут было все, чего душа пожелает. Вино лилось рекой, истерически взвизгивали проститутки, на небольшой эстраде кривлялся и грассировал какой-то томный, густо напудренный тип, гнусаво напевавший шансонетки...»¹⁰

Крайне безрадостную картину жизни в столице можно найти и в воспоминаниях знаменитого идейного бандита-анархиста Нестора Махно, побывавшего в 1918 году в Москве: «Показалась Москва, со своими многочисленными церквями и фабрично-заводскими трубами. Публика в вагоне заворошилась. Каждый, кто имел у себя чемодан, вытирал его, так как в нем было у кого пуд, у кого полпуда муки, которая от встрясок вагона дала о себе знать: выскакивала мелкой пылью из сумок, сквозь замочные щели чемодана... Публика не работающая. Предлагает попавшемуся встречному бешеные деньги за помощь пронести из вагона, сквозь цепи заградительного отряда при выходе из вокзала, свои вещи. Многие берутся, но большинство отказывается, заявляя: “Боюсь, попаду в Чрезвычайную комиссию по борьбе со спекуляцией и контрреволюцией...”

Еще минута-две – и поезд подошел к вокзалу. А еще минута-две – пассажиры с мукой в чемоданах отмыкали свои чемоданы перед стоявшими агентами заградительных отрядов, арестовывались и вместе с мукой отправлялись в надлежащие штабы...

Время подходило к обеду. Зашел неподалеку от Пушкинского бульвара в ресторан. Пообедал. Обед плохой и дорогой, хлеба мало. Здесь я узнал, что хлеба можно достать сколько хочу, но какими-то задними ходами и за большие деньги. Это меня так рассердило, что я готов был поднять скандал. Однако не будучи уверен в том, что распродажа хлеба за особую цену и задними ходами не производится самим хозяином ресторана вместе с большевистскими и левоэсеровскими чекистами, а также имея при себе револьвер, за который чекисты в то время могли даже не довести меня до Дзержинского – расстрелять, я воздержался от поднятия скандала...»¹¹

Правда, уже тогда предпринимались решительные попытки властей хоть как-то противодействовать расцвету преступности и спекуляции, но, поскольку опыта еще не было, подобные действия иногда заканчивались решительным конфузом:

«А однажды у латышей случилась большая неприятность. Было это в двадцатых числах апреля 1918 года.

Все началось с очередной облавы на Сухаревском рынке. Сухаревка тогда жила бурной и, надо прямо сказать, весьма неприглядной жизнью. По воскресеньям и праздничным дням она превращалась в бушующее человеческое море, так и кишевшее мелкими и крупными хищниками: спекулянтами, шулерами, проститутками, карманниками, налетчиками.

На Сухаревке продавали и покупали все, что только можно было продать и купить, причем процветала в основном меновая торговля: шубу из соболей меняли на полмешка пшеницы, серебряные ложки – на сало, золоченые подсвечники – на керосин. Деньги утратили свою ценность.

На Сухаревке пьянствовали и дрались, играли до потери сознания в карты и заключали самые невероятные сделки, обирали до нитки простаков, спекулировали, воровали, грабили.

¹⁰ Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. М.: Воениздат, 1987.

¹¹ Махно Н.И. Воспоминания. Париж: б/и, 1936.

Советское правительство, переехав в Москву, твердой рукой взялось за наведение порядка в столице. Спекуляции, разврату, проституции, воровству, бандитизму была объявлена беспощадная война.

Возглавил боевые силы революции в этой войне Феликс Эдмундович Дзержинский, штабом стала ВЧК, армией – московский пролетариат, славные чекисты, рождавшаяся на свет Рабоче-крестьянская милиция и зачастую латышские стрелки.

Один за другим наносились сокрушительные удары по тайным ночным притонам и бандитским “хазам”, по гнездам и рассадникам спекуляции, мошенничества, разбоя. Московские рынки решительно очищали от спекулянтов, воров и всякой нечисти. Систематически организовывали облавы, оцепляя рынок и проводя поголовную проверку документов. И кого только там не приходилось вылавливать!

Нередко по распоряжению Дзержинского или Аванесова на такие облавы я посылал бойцов из кремлевской охраны. Бывало это чаще всего по воскресеньям. Так было и в воскресенье 21 апреля 1918 года.

В то утро из Кремля выехало несколько грузовиков. Подъехав к Сухаревке с разных сторон – с Садовой, Сретенки, Мещанской, – грузовики остановились, сидевшие в них латыши слезли, рассыпались в цепь, сжали рынок в стальное кольцо и начали облаву. Задержали свыше трехсот человек.

Задержанных, как обычно, посадили в кузова грузовиков; латыши, держа винтовки наперевес, уселись по бортам, и грузовики, по мере того как наполнялись, отправлялись один за другим в казармы, где уж тщательно разбирались с каждым задержанным и либо передавали милиции, либо отпускали на все четыре стороны.

На улицах было пустынно, разве изредка попадется извозчичья пролетка или ломовая телега да прогрохочет одинокий набитый до отказа трамвайный вагон. Грузовики мчались на большой скорости. И надо же было так случиться, что как раз в тот момент, когда первый грузовик неся с Лубянской площади вниз по Театральному проезду к “Метрополю”, где-то неподалеку раздался винтовочный выстрел.

Стоявшим возле “Метрополя” постовым милиционерам показалось, что стреляют с грузовика, и стреляют по “Метрополю”. Они подняли панику, и отряд, охранявший “Метрополь”, выскочил по боевой тревоге на площадь, мигом залег, выкатил пулеметы. А в это время с горы, от Лубянской площади, мчится второй грузовик.

Завидев приближающийся грузовик, милиционеры решили, что это возвращается тот самый, с которого, как им казалось, стреляли, и бросились наперерез, пытаясь его остановить. Не тут-то было! Шофер заметил бегущих к грузовику вооруженных людей и, предположив, что это сообщники задержанных хотят их освободить, прибавил газ. Сидевшие на бортах латыши вскинули винтовки.

Убедившись, что грузовик не задержать, охрана “Метрополя” и милиционеры открыли ему вслед ружейную и пулеметную стрельбу. Несколько человек в кузове было ранено, а один латышский стрелок убит наповал. Пострадал и кое-кто из случайных прохожих.

Услышав пулеметные очереди, шофер сообразил, что тут что-то не так, пулеметов у бандитов быть не может, и круто затормозил. Прошло несколько минут, пока разобрались, и смущенные милиционеры, стремясь загладить свою вину, попытались оказать помощь раненым, но тщетно. Молча отстранив милиционеров, латыши забрались и кузов, в грузовик медленно тронулся к Кремлю...»¹²

На протяжении всего 1918 года жизнь в городе неуклонно ухудшалась. Остатки былой стабильности все больше уходили в прошлое, а у новой власти не было ни опыта, ни сил в условиях начавшейся Гражданской войны, чтобы наладить хотя бы подобие нормальной

¹² Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. М.: Воениздат, 1987.

жизни. К концу 1918 года в Москве и Петрограде начался голод, сопровождаемый жестоким холодом, поскольку топлива для отопления домов тоже не хватало.

Вот как описывал осень 1918 года в Москве полковник А.Ф. Федоров, устанавливавший советскую власть в Уфимской губернии и некоторое время служивший в Москве: «... Поселили меня в отдельном номере роскошной гостиницы “Савой”, убранной громадными зеркалами, хрустальными люстрами, дорогими коврами. Но с какой радостью поменял бы я свой великолепный номер на убогую, но теплую крестьянскую избу! Гостиница не отапливалась. Никакие ковры, в которые я завертывался или которые набрасывал на себя, ложась спать, не спасали. Коченея от холода, я каждые двадцать – тридцать минут просыпался, вскакивал и принимался бегать по коридору, чтобы согреться, и снова ложился. Так всю ночь. Невыспавшийся, разбитый, я приходил на работу. В учреждении было довольно тепло, и я хотел ночевать в своей рабочей комнате, устроившись на сдвинутых столах. Но это строго запрещалось.

Не менее жестоко мы мучились и от голода. Наша столовая кормила хуже, чем даже госпитальная. Чтобы поддержать слабеющие силы, я периодически ходил на толкучку, продавал там за бесценок что-нибудь из своих вещей и досыта наедался тощей конины. На мою скудную выручку ничего другого достать было невозможно.

Однажды заведующий послал меня на продовольственный склад ЦК партии получить полагающийся ему за неделю паек. Велико было мое изумление, когда там отвесили полтора фунта мяса, два фунта смешанного с мякиной черного хлеба, горсточку пшенной крупы и столько же коричневой соли.

Москва голодала. Куда бы ни пошел, на кого бы ни взглянул – всюду следы голода. На улицах то и дело попадалисьдохлые или издыхающие от истощения лошади. Их долго не убирали: то ли не было времени или сил для этого, то ли уж привыкли»¹³.

Надо сказать, что, несмотря на тяжелейшие условия жизни, масштабы бедствия в городах могли иметь более катастрофичные последствия, если бы не усилия новой власти и не идейность, вдохновлявшая ее сторонников.

Я.В. Харитонов, бывший в 1918 г. курсантом в Кремле, вспоминал: «Служба в Кремле была очень тяжелая, но мы, зная трудности, которые переносил весь народ, не роптали. Больше того, от скудного пайка хлеба мы ежедневно добровольно отчисляли по 200 граммов в пользу голодных, беспризорных детей. То же было и с приварком, и с сахаром. Да, Москва выглядела в те годы весьма своеобразно. Идешь, бывало, по улице и видишь, как из каждой форточки торчит железная труба, стены домов закопчены, стекла заморожены, а зайдешь в комнату, то на полу или на столе увидишь миниатюрную железную печку “буржуйку”, которая топилась лучиной или маленькими чурками. Чаше всего на это дело употреблялись столы, табуретки, стулья и другая мебель.

А как питались рабочие на фабриках и заводах! Несмотря на то что они работали не покладая рук, давали фронту все, что необходимо, получали всего лишь по 50–100 граммов хлеба в день, а иногда вместо хлеба мороженую картошку или мерзлые кочерыжки от капусты, за которыми ходили с топором на поля»¹⁴.

О том же вспоминает и направленный в те годы на учебу в Академию Генерального штаба Н.А. Соколов-Соколенок: «Жили мы тогда очень и очень скромно. Основными исходными продуктами питания, из которых наши мастера кулинарии виртуозно готовили разнообразные блюда, были чечевица, перловка, иногда – пшено, картофель и капуста, вместо мяса – сырая и вареная селедка, вобла да еще соленая селедка. И все это с редким добав-

¹³ Федоров А.Ф. Октябрьские зори. М.: Воениздат, 1962. С. 168.

¹⁴ Харитонов Я.В. Из воспоминаний кремлевского курсанта// Москвичи на фронтах Гражданской войны. Воспоминания. М.: Московский рабочий, 1960. С. 411.

лением небольшого количества подсолнечного или льняного масла. На обед в пайках полагался, конечно, и хлеб, но только черный и с большим процентом различных суррогатов, в первую очередь – жмыха. В пайках иногда бывали небольшое количество сахара и несколько пачек махорки “вырви глаз”.

В условиях полуголодного существования особенным весельем запомнились дни, когда слушатели академии получали откуда-нибудь с фронта или из войск гостинцы. Помню, как из армии Буденного пришел вагон яблок, а поздней осенью двадцать первого года – вагон квашеной капусты. В обоих случаях нормы общественного распределения были одинаковыми: холостякам – по ведру, семейным – по два.

Не избалованные фруктами, мы, холостяки, щедро раздаривали яблоки своим знакомым и сотрудникам академии, зато “деликатесной” капустой наслаждались досыта только с особо избранными. У меня таковой избраницей оказалась моя будущая жена. Я не раз вспоминал, как сидели мы, свесив ноги на окне холодной комнаты, и с необычайным удовольствием черпали из ведра эту капусту. К концу визита невесты капусты в ведре оставалось все меньше.

Не лучше обстояло дело и с денежным довольствием. Деньги падали в цене с такой катастрофической скоростью, что получаемого миллионными знаками жалованья, именно жалованья, а не заработной платы, хватало иногда лишь на то, чтобы расплатиться только за махорку “вырви глаз”, которую удавалось выпросить в долг у доброго приветливого старика гардеробщика в академии.

Еще хуже обстояло дело с обеспечением нашего жилья топливом. В неотапливаемых комнатах стояли небольшие железные печурки – “буржуйки” с выкинутыми наружу через форточки окон вытяжными трубами. Ложишься, бывало, спать – от “буржуйки” тепло, встаешь – температура в комнате та же, что и на улице. В зимнее время эта печурка придвигалась непосредственно к кровати с таким расчетом, чтобы утром, высунув из-под одеяла руки, разжечь ее сразу же заранее приготовленной щепой. Начнет “буржуйка” давать тепло, значит, можно вставать и одеваться, да и то не отходя от нее слишком-то далеко.

Заготовкой топлива занимались, конечно, сами. Вместе с другими москвичами по вечерам исследовали заснеженные московские проулки-закоулки и доламывали еще уцелевшие остатки деревянных заборов. Если кому-либо удавалось раздобыть немного каменного угля, того считали просто счастливецом»¹⁵.

Конечно, так бывало далеко не всегда, иногда людей, особенно вновь прибывающих в города с фронта солдат, приходилось настоятельно убеждать делиться. Например, А.Д. Блохин вспоминал: «Хуже обстояло дело с демобилизованными и просто самовольно ушедшими с фронта солдатами, которых эшелонами направляли на Товарную-Павелецкую железнодорожную станцию и на ветку Канатчиковой дачи. Здесь, в вагонах, то и дело находили винтовки, пулеметы и другое вооружение. Бывало, видим, что солдат везет пару винтовок или пулемет, спрашиваем:

– Зачем тебе это?

– Защищать революцию и выгнать помещиков, – отвечает он.

Разъясняем, что все это уже сделано, что оружие надо сдать представителю военного комиссариата. На доводы обычно следовало согласие.

Но гораздо хуже и труднее случалось, когда у демобилизованного находили несколько шинелей, по 2–3 пары сапог и еще какие-нибудь предметы обмундирования. Ведь подобный запас обеспечивал человека на несколько лет, и на уговоры сдать его всегда сыпались укоризненные реплики:

– А за что мы воевали, за что проливали кровь?

¹⁵ Соколов-Соколенок Н.А. По путевке комсомольской. М.: Воениздат, 1987. С. 131–132.

В каждом эшелоне таких запасливых людей всегда набиралось по несколько десятков. С подобными мгновенно объединявшимися на почве общей “обида” коллективами сладить было чрезвычайно тяжело, поскольку лишение “выстраданной” одежды для многих являлось настоящей личной трагедией. И все-таки, несмотря на отчаянное сопротивление, нам удавалось убеждать людей в необходимости сдачи казенного имущества, возврата его государству.

Вот таким путем мы пополняли свои интендантские склады как оружием, так и вещевым довольствием, хотя, конечно, это был не основной, а только частный источник.

Как же обстояло дело с широким продовольственным, вещевым и оружейным снабжением?

В основном снабжение формирования получали через горвоенкомат, который, однако, полностью удовлетворить потребности районов не мог. Военный комиссар города Москвы по снабжению Григорьев рекомендовал изыскивать местные возможности. Конечно, капусту и картофель можно было найти. Такие предметы, как крупу и тем более ружейные патроны, изыскивать на месте было несравненно труднее, но кое-что мы находили, и иногда в немалом количестве. Производя по ордерам на складах и в магазинах обыски, обнаруживали военное обмундирование и материалы, которые конфисковывали, оплачивая стоимость через продовольственную управу района по государственной цене. В частности, как сейчас помню, – большой мануфактурный магазин на Серпуховской улице, где мы обнаружили около 200 тюков офицерского и солдатского сукна – его хватило нам почти на целый полк. Так же обстояло дело и с обувью, и с бельем военных образцов. Все это и давало нам возможность обмундировывать вновь формируемые части...»¹⁶

К 1919 году ситуация в крупных городах, главным образом в Петрограде и Москве, стала просто катастрофической. Голод, холод, болезни выкашивали население. Те, кто мог уехать, покидали города, превратившиеся в большие ловушки.

Многие стремились на юг, отчасти потому, что на территориях, занятых белыми войсками, ситуация с продовольствием была значительно лучше, отчасти из желания сбежать от власти большевиков. Но выехать из городов было не так-то легко.

Б.А. Павлов, впоследствии вступивший в Белую армию, вспоминал: «Однако выехать из Москвы в то время (*1919 год*. – Авт.) было не так просто. Я пошел на Курский вокзал. Очередь за билетами извивалась по всей Вокзальной площади. Последний номер в очереди был больше девятитысячного. Стоящие в очереди, чтобы не ошибиться и как-то соблюдать порядок, писали номера мелом друг у друга на спинах. Чтобы получить билет, люди жили на вокзале неделями.

В те времена я был более решительным в действиях, чем теперь, и застенчивым стал много позднее. Я отправился прямо к коменданту Курского вокзала. Как ни странно, меня к нему пропустили. Принял меня помощник коменданта. Неожиданно и на мое счастье, он оказался бывшим офицером, воспитанником нашего корпуса. Я ему рассказал, что еду с семилетней сестрой (сестре было четырнадцать и выглядела она почти барышней) к больному отцу. Узнав, что я кадет его корпуса, он стал меня расспрашивать о корпусе, о воспитателях, а потом дал пропуск и билет на военный эшелон, отходивший в тот же вечер.

Так мне составила протекцию в большевистской России, в красной Москве, в советском учреждении моя принадлежность ко 2-му Московскому кадетскому корпусу!

Я побежал предупредить сестру, и вечером мы, в общем, благополучно сели в поезд. Я был очень горд и чувствовал себя настоящим мужчиной, опорой для моей старшей сестры. Только на вокзале я пережил несколько неприятных минут, пока не отошел поезд. Все время

¹⁶ Блохин А.Д. В борьбе с контрреволюцией.//Москвичи на фронтах гражданской войны. Воспоминания. М.: Московский рабочий, 1960. С. 78–79.

боялся, что выйдет на перрон помощник коменданта и откроется моя ненужная ложь. «Зачем я наврал, что Тане семь лет?» – ругал я себя. Уверен, что наш бывший кадет все равно дал бы мне пропуск.

Так я навсегда покидал Москву»¹⁷.

¹⁷ Павлов Б.А. Первые четырнадцать лет: Посвящается памяти алексеевцев. М.: ИЦ-Гарант, 1997.

Новые деньги новой власти

Заметно, что большинство мемуаристов, вспоминая городскую жизнь при большевиках в годы Гражданской войны, особенно в 1918–1919 гг., редко упоминают о деньгах, на которые что-то можно было купить. И это вполне естественно, ведь уже в 1918 году был введен военный коммунизм, когда советским служащим и военным выдавались продовольственные пайки (впоследствии были введены продовольственные карточки) и иногда по специальным ордерам вещи, в первую очередь одежда. Те, кому не выпало такого счастья, добывали пропитание главным образом занимаясь натуральным обменом на рынках. Конечно, деньги никто не отменял, и в 1919 г. даже был начат выпуск новых советских купюр.

4 февраля 1919 года выходит декрет Совета народных комиссаров «О выпуске денежных знаков 1, 2, 3-рублевого достоинства упрощенного типа»:

«Ввиду наблюдаемого недостатка в народном обращении кредитных билетов мелких достоинств Совет народных комиссаров признал необходимым выпустить в обращение денежные знаки 1, 2 и 3-рублевого достоинства упрощенного типа.

На этом основании Совнарком постановил:

1) Предоставить Народному банку выпускать в народное обращение под наименованием “расчетный знак РСФСР” денежные знаки в форме марок достоинством в 1, 2 и 3 рубля, описание коих при сем прилагается.

2) Государственные расчетные знаки имеют хождение наравне с государственными кредитными билетами и, подобно последним, обязательны к приему в платежи как в казну, так и между частными лицами, без ограничения суммы.

3) За подделку государственных расчетных знаков виновные подлежат наказанию, как за подделку кредитных билетов»¹⁸.

Банкнотой или кредитным билетом новую денежную единицу не называли. Официально она называлась «расчетным знаком РСФСР», а в народе новые деньги получили название «совзнаки». Кстати, выпуск собственных денежных знаков в 1919 году стал одним из поводов сменить государственную символику – рисовать старый герб на новых деньгах было нецелесообразно, и, по мнению бонистов, герб РСФСР был создан специально под новые советские рубли¹⁹.

Но в 1919 году цены на основные товары первой необходимости измерялись уже в тысячах и купюры небольших номиналов почти сразу потеряли свою актуальность. Один за другим выходят декреты СНК о вводе в обращение совзнаков все большего достоинства. История совзнаков – это история все новых декретов, вводящих в обращение все более крупные купюры (купюра-рекордсмен – 10 миллионов рублей образца 1921 года, причем, это не купюра даже, а долговое обязательство).

¹⁸ «Известия», 6 февраля 1919 г.

¹⁹ Интернет-сайт «Деньги Гражданской войны».

Зачем врагам рубли?

Впрочем, деньги, конечно, продолжали использоваться, и далеко не всегда в законных целях. Например, широко были распространены попытки подкупить представителей новых властей. Прodelать это пытались очень многие – от спекулянтов до контрреволюционеров. К чести красных надо сказать, что попытки эти редко удавались. Ну, а об участии неудачливых взяточдателей можно было только сожалеть. Например, С.И. Моисеев, попавший в полк, набравшийся из московских рабочих, и какое-то время прослуживший в Москве, вспоминал:

«Однажды произошел у нас такой случай. На службу в военный комиссариат Рогожского района поступил по фальшивому паспорту на имя Гуревича один аферист. Когда его разоблачили, он убежал. Но на третий день командир конной разведки Квятковский арестовал авантюриста где-то на дороге между Москвой и Чухлинкой.

Взятый под стражу “Гуревич” пробовал подкупить часового Титляева. Он предлагал красноармейцу 10 тысяч рублей.

– Если ты еще раз обратишься ко мне с этими пакостными словами, то вот!.. – ответил часовой, щелкнув затвором винтовки.

Но арестованный не унимался и предложил 20 тысяч. Тогда Титляев вызвал разводящего Яковлева. “Гуревич” предложил за свое освобождение 30 и даже 40 тысяч рублей. Красноармейцам это надоело, и они обратились за помощью по команде.

Поведение часового и разводящего было отмечено в приказе по военному комиссариату района и по караульному батальону. В нем говорилось: “Отмечая бескорыстие тт. Титляева и Яковлева и сознание революционного долга, Рогожско-Симоновский военный комиссариат приносит им горячую благодарность за образцовое несение караульной службы и за стойкое выполнение обязанностей, несмотря на соблазны, которые им сулил преступник.

Рогожско-Симоновский военный комиссариат приказывает начальнику караульной команды товарищу Логофет сфотографировать товарищей Титляева, Яковлева и шофера Волкова и снимки их доставить в Рогожско-Симоновский военный комиссариат в журнал “Военное дело”, а также вывесить на видном месте в помещении караульной команды, дабы они служили примером образцовых красноармейцев, достойных всяческого подражания. Прочесть в командах, ротах и эскадронах”.

Через некоторое время “Гуревич” был переправлен в ВЧК и впоследствии расстрелян»²⁰.

Взятки могли предлагать и в гораздо более серьезных целях, о чем говорит подобная попытка подкупа латышских стрелков во время знаменитого «заговора послов» (заговор был организован в 1918 году дипломатическими представителями Великобритании, Франции и США с целью свержения большевистской власти. В заговоре участвовали глава специальной британской миссии Роберт Локкарт, посол Франции Ж. Нуланс и посол США Д. Фрэнсис. Локкарт пытался подкупить находившихся в Москве латышских стрелков, охранявших Кремль, с тем, чтобы совершить военный переворот, арестовав заседание ВЦИК вместе с Лениным и Троцким и заняв ключевые пункты Москвы). Крайне любопытное упоминание об этом можно встретить в воспоминаниях Малькова, который и сам был непосредственным участником данных событий:

«Локкарт и его помощник Сидней Рейли, уроженец Одессы, а затем лейтенант английской разведки, намеревались осуществить свои дьявольские замыслы следующим образом. Они решили подкупить воинские части, несшие охрану Кремля и правительства, с тем чтобы

²⁰ Моисеев С.И. Полк рабочей Москвы. М.: Воениздат, 1960. С. 39.

при их помощи на одном из пленарных заседаний ВЦИК, в десятых числах сентября 1918 года, арестовать Советское правительство и захватить власть. Будучи заранее уверены в успехе, агенты Локкарта установили даже связь с тогдашним главой русской православной церкви патриархом Тихоном, который дал согласие сразу же после переворота организовать во всех московских церквах торжественные богослужения “в ознаменование избавления России от ига большевиков” и во здравие заговорщиков.

Сразу после переворота заговорщики намеревались, используя ими самими сфабрикованные фальшивые документы, расторгнуть Брестский мир и принудить Россию возобновить участие в мировой войне на стороне Англии, Франции и США.

Членов Советского правительства заговорщики собирались отправить после ареста в Архангельск, захваченный в начале августа 1918 года англичанами, там посадить на английский военный корабль и увезти в Англию. Так они намеревались поступить со всеми, кроме Ленина. Ленина же, поскольку, как они говорили, его воздействие на простых людей столь велико, что он и охрану в пути может сагитировать, решили уничтожить, то есть попросту убить при первой же возможности.

Для осуществления намеченных планов агент Локкарта англичанин Шмедхен в начале августа 1918 года попытался завязать знакомство с командиром артиллерийского дивизиона Латышской стрелковой дивизии Берзиным и прощупать его настроение, чтобы определить возможность использования Берзина в качестве исполнителя планов заговорщиков.

При первых же разговорах со Шмедхеном Берзин насторожился, хотя и не подал виду, но сразу же после встречи доложил обо всем комиссару Латышской стрелковой дивизии Петерсону, а тот сообщил в ВЧК Петерсу. Было решено проверить, чего добивается Шмедхен, и Петерсон возложил это дело на Берзина, поручив ему при встрече со Шмедхеном прикинуться человеком, несколько разочаровавшимся в большевиках. Берзин так и сделал, тогда Шмедхен с места в карьер повел его к своему шефу – Локкарту, встретившему командира советского артиллерийского дивизиона с распростертыми объятиями.

Эта встреча произошла 14 августа 1918 года на квартире Локкарта в Хлебном переулке. Локкарт предложил Берзину 5–6 миллионов рублей: для него лично и на подкуп латышских стрелков.

Дальнейшую связь Локкарт предложил Берзину поддерживать с лейтенантом Рейли, он же “Рейс” или “Константин”, как быстро выяснила ВЧК.

Берзин, отказавшийся вначале от денег, держал себя настолько ловко и умно, что полностью провел Локкарта, выведав его планы. Комиссар дивизии Петерсон представил Я.М. Свердлову после ликвидации заговора Локкарта подробный доклад, в котором, в частности, о встрече Берзина с Локкартом писал, что опытейший дипломат “культурнейшей страны” Локкарт на этом экзамене позорно срезался, а товарищ Берзин, впервые в жизни соприкоснувшийся с дипломатией и с дипломатами, “выдержал экзамен на пятерку”.

17 августа Берзин встретился уже с Рейли, вручившим ему 700 тысяч рублей. Эти деньги Берзин тут же передал Петерсону, а Петерсон отнес их непосредственно Ленину, доложив ему всю историю в малейших подробностях. Владимир Ильич посоветовал Петерсону передать деньги пока что в ВЧК – там, мол, разберемся, как с ними поступить, – что тот и сделал.

Через несколько дней Рейли передал Берзину 200 тысяч, а затем еще 300 тысяч рублей, все на подкуп латышских стрелков и в вознаграждение самому Берзину. Таким образом, в течение двух недель англичане вручили Берзину 1 миллион 200 тысяч рублей. Вся эта сумма надежно хранилась теперь в сейфах Всероссийской чрезвычайной комиссии.

В конце августа Рейли поручил Берзину выехать в Петроград и встретиться там с питерскими белогвардейцами, также участвующими в заговоре. 29 августа Берзин, получив соответствующие указания от Петерсона и ВЧК, был уже в Петрограде. Там он повидался

с рядом заговорщиков, явки к которым получил от Рейли, и помог раскрыть крупную белогвардейскую организацию, работавшую под руководством англичан, которая после отъезда Берзина в Москву была ликвидирована.

Всецело доверяя Берзину и рассчитывая осуществить переворот при его помощи, Локкарт и Рейли сообщили ему свой план ареста Советского правительства на заседании ВЦИК. Осуществление ареста, как заявил Рейли, возлагается на руководимых Берзиным латышских стрелков, которые будут нести охрану заседания. Одновременно Рейли поручил Берзину подобрать надежных людей из охраны Кремля и обязать их впустить в Кремль вооруженные группы заговорщиков в тот момент, когда будет арестовано правительство на заседании ВЦИК. Рейли сообщил также Берзину, что Ленина необходимо будет “убрать” раньше, еще до заседания ВЦИК.

Берзин тотчас же доложил Петерсону об опасности, грозившей Ильичу, и просил немедленно предупредить Ленина. Не теряя ни минуты, Петерсон отправился к Владимиру Ильичу и подробнейшим образом его обо всем информировал.

Так благодаря мужеству, находчивости и доблести Берзина, проникшего в самое логово заговорщиков, планы и намерения Локкарта, Рейли и их сообщников были раскрыты и заговор был ликвидирован. Англичане намеревались сыграть на национальных чувствах латышей, думали, что латыши с неприязнью относятся к русскому народу. Матерым английским разведчикам было невдомек, что латышские трудящиеся связаны многолетней дружбой с рабочими России, что в рядах латышских стрелков преобладали стойкие, закаленные пролетарии Латвии, среди них было много большевиков, и латышские стрелки были беззаветно преданы пролетарской революции.

Комиссар Латышской стрелковой дивизии Петерсон, представив Я.М. Свердлову доклад о том, как был раскрыт заговор Локкарта, поставил вопрос: что делать с принадлежащими английскому правительству 1 миллионом 200 тысячами рублей, выданными Локкартом и Рейли Берзину “для латышских стрелков”, которые по указанию Владимира Ильича до поры до времени находились в ВЧК (Владимир Ильич в это время еще не оправился от болезни, вызванной ранением). Что ж, ответил Яков Михайлович, раз деньги предназначались латышским стрелкам, пусть их и получают латышские стрелки. Надо использовать деньги так:

1. Создать фонд единовременных пособий семьям латышских стрелков, павших во время революции, и инвалидам – латышским стрелкам, получившим увечья в боях против контрреволюционеров всех мастей и в первую голову против английских и других иностранных интервентов. Отчислить в этот фонд из суммы, полученной от английского правительства через господина Локкарта, 1 миллион рублей.

2. Передать 100 тысяч рублей из той же суммы Исполнительному комитету латышских стрелков с условием, что эти деньги будут израсходованы на издание агитационной литературы для латышских стрелков.

3. Отпустить 100 тысяч рублей артиллерийскому дивизиону латышских стрелков, которым командует товарищ Берзин, на создание клуба и на культурно-просветительные надобности.

Так распорядился Яков Михайлович израсходовать деньги, “поступившие” от английского правительства через мистера Локкарта²¹.

²¹ Мальков П.Д. Записки коменданта Кремля. М.: Воениздат, 1987.

Штаны для Эренбурга

Между тем после распада 1918 года и ужасающей разрухи и голода 1919 года жизнь стала постепенно налаживаться, а деньги все чаще стали использоваться советскими гражданами, в первую очередь на многочисленных и неистребимых толкучках. Хотя Гражданская война еще не кончилась, но в ее исходе в пользу новой власти уже мало кто сомневался. Но всеобщая нищета еще никуда не делась.

Писатель Эренбург так описал свою жизнь по возвращении в 1920 году в Москву:

«Коменданта Третьего общежития Наркоминдела звали товарищем Адамом; но если говорить откровенно, Адамом чувствовал себя я: я оказался в раю, откуда меня легко могли выгнать. Мне нужно было представить удостоверение с места службы, и хотя я довел в сохранности почту, о дипломатической карьере мечтать не приходилось. Товарищ Адам поселил нас в комнате, которая не отапливалась, и все же “Княжий двор” был раем. Утром нам выдавали паек: двести граммов хлеба, крохотный кусок масла и два куска сахара. Днем мы получали кашу – пшеничную или ячневую. Конечно, древние князья ели лучше, но в Москве 1920 года такой паек был воистину княжеским...

Вскоре я вернулся в потерянный рай: товарищ Адам, прочитав записку заместителя наркома Л. Карахана, составленную абстрактно и возвышенно, а именно: “Эренбург останется жить”, предоставил нам комнату. Я получал паек, а с февраля мне дали карточку на обеды в “Метрополе”; там отпускали пустой суп, пшеничную кашу или мороженую картошку. При выходе нужно было сдать ложку и вилку – без этого не выпускали.

Кто-то сказал мне, что я родился в рубашке. Однако я не только родился в рубашке, я ходил в одной рубашке; а Москва зимой не Бразилия...

Давным-давно я описал в журнале “Прожектор”, как в конце 1920 года я раздобыл себе одежду. Это не очень серьезная история, но она восстанавливает некоторые бытовые черты тех лет да и показывает, что житейские трудности нас не обескураживали.

Я уже упоминал о моем парижском пальто, с годами превратившемся в дырявый капот. Я не сказал о самом главном – о костюме; пиджак еще как-то держался, но брюки расплзлись.

Тогда-то я понял, что означают штаны для тридцатилетнего мужчины, вынужденного жить в цивилизованном обществе, – обойтись без штанов действительно невозможно. На службе я все время сидел в пальто, боясь неосторожным движением распахнуть полы: ведь со мною работали поэтесса Ада Чумаченко и молодые фребелички.

Краснофлотец-драматург пригласил меня к себе; жил он в “Лоскутной”. Я пережил у него немало мучений; он накормил меня замечательными оладьями, но эти оладьи приготовляла молодая женщина. В комнате было жарко, меня уговаривали снять пальто, а я упирался и никак не мог объяснить почему...

Наступила суровая зима. Мое пальто грело не больше, чем кружевная шаль. Я простудился, чихал, кашлял. Наверно, у меня была температура, но мы тогда этим мало интересовались. Случайно я встретил одного из товарищей по подпольной гимназической организации; поглядев на меня, он рассердился: “Почему вы мне раньше не сказали?..” Он написал записку председателю Моссовета и шутя добавил: “Лорд-мэр Москвы вас оденет”.

Попасть на прием к “лорд-мэру” было нелегко, в приемной толпились всевозможные просители. Наконец я проник в просторную комнату; за письменным столом сидел почтенный человек с аккуратно подстриженной бородкой, которого я хорошо знал по Парижу. Я понимал, что у него уйма дел, и стеснялся. Он был чрезвычайно любезен, говорил о литературе, спрашивал, какие у меня творческие планы. Ну как здесь было заговорить о шта-

нах? Наконец, набравшись храбрости и воспользовавшись паузой, я в отчаянии выпалил: “Кстати, мне совершенно необходимы брюки...”

“Лорд-мэр” смутился: он внимательно меня оглядел: “Да вам не только костюм нужен, а и зимнее пальто...” Он дал мне записку к заведующему одним из отделов МПО; на записке было сказано лаконично: “Одеть т. Эренбурга”.

На следующее утро, встав пораньше, я пошел в МПО (эти буквы не имеют ничего общего с противовоздушной обороной, обозначали они “Московское потребительское общество” – ведомство, которому было поручено снабжать население продовольствием и одеждой). С легкомыслием баловня судьбы я спросил: “Где здесь выдают ордера на одежду?” Кто-то мне показал длиннейший хвост на Мясницкой.

Было очень холодно; и, стоя в очереди, я малодушно забыл про брюки – мечтал о теплом зимнем пальто. Под вечер я приблизился к заветной двери. Но тут приключилось нечто непредвиденное. Ко мне подошла молодая женщина, повязанная теплым платком, и возмущенно завизжала: “Нахал какой! Я здесь с пяти утра стою, а он только пришел – и на мое место...” Она навалилась на меня, а весила она немало; я сопротивлялся, но безуспешно – она меня вытеснила из очереди. Я обратился к людям, стоявшим позади: “Товарищи, вы ведь видели, что я весь день стою...” Люди были голодные, усталые, безучастные; никто меня не поддержал. Я понял, что справедливости не дожидаться, отошел на несколько шагов, разбежался и с ходу вытолкнул самозванку из очереди. Люди продолжали равнодушно молчать: они явно предпочитали нейтралитет. А женщина преспокойно ушла и начала искать узвимое место в длиннущей очереди.

Наконец я вошел в кабинет заведующего, который, прочитав записку, сказал: “У нас, товарищ, мало одежды. Выбирайте – пальто или костюм”. Выбрать было очень трудно; замерзший, я готов был попросить пальто, но вдруг вспомнил унижения предшествующих месяцев и крикнул: “Брюки! Костюм!...” Мне выдали соответствующий ордер.

Я пошел в указанный распределитель; там мужских костюмов не оказалось, мне предложили взамен дамский или же плащ. Я, разумеется, отказался, и меня направили в другой распределитель, где мне показали костюм, сшитый, видимо, на карлика и поэтому уцелевший с царских времен. Наконец в распределителе на углу Петровки и Кузнецкого я нашел костюм по росту, надел брюки и почувствовал себя человеком. В детской секции ТЕО я сразу составил десять проектов. Стояли, однако, сильные морозы, и я продолжал отчаянно кашлять. Сознание, что на мне брюки, придавало мне бодрости, и я начал разыскивать зимнее пальто.

Будучи страстным курильщиком, я раз в месяц на Сухаревке менял хлеб на табак. На Сухаревке торговали всем – китайскими вазами, кусочками сахара, рассыпными папиросами, камнями для зажигалок, бухарскими коврами, дореволюционным, заплесневевшим шоколадом, романами Бурже в сафьяновых переплетах. На Сухаревке можно было купить и рваный полушубок, но стоил он не менее пятидесяти тысяч. А денег у меня не было. В карманах новенького пиджака я держал мандаты, проекты, стихи, старую, насквозь прожженную трубку, табачную труху и порой кусочек сахара, который уносил из гостеприимного дома заведующего ИЗО Д.П. Штеренберга.

Недавно мне попался в руки каталог рукописных книг, которыми торговала “Книжная лавка писателей”; среди авторов Андрей Белый, В. Лидин, М. Герасимов, Шершеневич, Марина Цветаева, И. Новиков, много других. Проставлена и моя книжка: “Испанские песни”, цена 3000 рублей. Книжка, переписанная Шершеневичем, снабжена примечанием: “По себестоимости 4 куска сахара – 2000 рублей, кружка молока – 1800, 50 папирос – 6 000”. Деньги были настолько обесценены, что о них мало кто думал; мы жили пайками и надеждой. Все же я решил набрать деньги на пальто и подрядился прочитать стихи в кафе “Домино”. Там было нестерпимо холодно; посетителям давали чай с сахарином или смер-

тельно-бледную, голубоватую простоквашу. Не понимаю, почему туда приходили люди. В морозном полумраке раздавался зловещий вой Шершеневича, Поплавской или Дира Туманного. Ходили в “Домино” спекулянты, агенты уголовного розыска, любознательные провинциалы и чудаки-меланхолики.

Я снял с себя шинель Акакия Акакиевича, чихнул и начал выть — тогда все поэты были, даже когда читали нечто веселое. Один спекулянт сочувственно высморкался, двое других не выдержали и ушли. Я получил три тысячи.

Мне повезло: несколько дней спустя я набрел на весьма подозрительного гражданина, который предложил мне достать полушубок за семь тысяч рублей. Это было почти даром. Я продал хлебный паек за две недели и притащил полушубок в “Княжий двор”.

Полушубок был чересчур тесен и сильно вонял, но мне он казался горностаевой мантией с картины Веласкеса. Я его надел и хотел было отправиться в Дом печати, но тут пришла из Вхутемаса Люба и потребовала, чтобы я снял с себя обновку: на груди полушубка красовалась большущая печать. Гражданин недаром мне показался подозрительным: он продал краденый военный полушубок.

Мною овладела резиньяция: лучше чихать, кашлять, чем попасть в поганую историю. Но Люба недаром была конструктивисткой, училась у Родченко и говорила весь день о фактуре, о вещности, о производственной эстетике — она нашла выход.

В Москве существовали тогда “магазины ненормированных продуктов”; там продавали мороженые яблоки, химический чай “Шамо”, сахарин, швабры, сита. Я продал два фунта паечного пшена и в “магазине ненормированных продуктов” купил краску для кожи. Люба привычной рукой взялась за кисти. Полушубок с каждой минутой хорошел: он превращался в черную куртку шофера. Но, к сожалению, кожа жадно впитывала краску; один рукав так и остался незакрашенным, а больше не было ни краски, ни рублей, ни пшена.

Конечно, я мог бы ходить в черном полушубке с желтым рукавом; никто на меня не обернулся бы. Все были одеты чрезвычайно своеобразно. Модницы щеголяли в вылинявших солдатских шинелях и зеленых шляпках, сделанных из ломберного сукна. На платья шли бордовые гардины, оживляемые супрематическими квадратами или треугольниками, вырезанными из покрышек рваных кресел. Художник И.М. Рабинович прогуливался в полушубке изумрудного цвета. Есенин время от времени напяливал на голову блестящий цилиндр. Но я боялся, что желтый рукав отнесут к эксцентричности, примут не за беду, а за эстетическую программу.

Под Новый год в ТЕО всем сотрудникам выдали по банке гуталина. Это было воспринято как несчастье, тем паче что накануне в МУЗО выдавали кур. Но Люба нашла применение сапожной мази: она покрыла ею желтый рукав...

На мостовой — не было ни машин, ни лошадей, а тротуары напоминали каток. Днем многие тащили салазки дрова, керосин, пшено. Люди “прикреплялись” или “откреплялись” — это относилось к продовольственным карточкам. (Помню стихи:

Что сегодня, гражданин, на обед?

Прикреплялись, гражданин, или нет?)²²

Между тем в ноябре 1920 г. фактически закончилась Гражданская война в европейской части России. Стране необходим был переход экономики на мирные рельсы для восстановления всего разрушенного. Впереди был нэп (новая экономическая политика). Но это уже совсем другая история...

²² Эренбург И.Г. Люди, годы, жизнь. Т. 1. М.: Текст, 2005.

Сибирь, Урал и Дальний Восток

В Сибири послереволюционные процессы развивались примерно так же, как и на других территориях Российской империи. В 1917 году, как и по всей России, практически во всех сибирских городах создавались Советы рабочих и крестьянских депутатов.

На первом съезде Сибирских Советов (16–24 октября 1917 года по старому стилю), состоявшемся в Иркутске, был избран Центральный Исполнительный комитет Советов Сибири (Центросибирь). На полноту власти претендовали Центросибирь и Сибирская областная дума. Но борьба за власть не помешала Центросибири выпустить свои деньги²³.

26 января 1918 года (по старому стилю) Центросибирь наконец приняла волевое решение распустить Сибирскую областную думу. Поскольку Дума не горела желанием распуститься добровольно, 20 депутатов Думы пришлось арестовать. Оставшиеся на свободе депутаты образовали первое Временное правительство Сибири.

Но уже в мае 1918 года началась Гражданская война в Сибири – с мятежа Чехословацкого корпуса. Состоявший из бывших военнопленных, он в связи с брест-литовскими переговорами и по соглашению с державами Антанты был объявлен 15 (28 по новому стилю) января 1918 года автономной частью французской армии. Это предопределило известную свободу действий чехословаков в Сибири.

²³ Интернет-сайт «Деньги Гражданской войны».

Необыкновенные приключения чехословаков в Сибири

17 мая 1918 года вспыхнуло восстание Чехословацкого корпуса. Оно было вызвано в первую очередь требованием большевиков в ходе переговоров с чехословаками разоружиться по дороге на Дальний Восток, откуда их должны были отправить во Францию. Среди военнопленных прошел слух, что их собираются выдать австро-германцам, где их ожидал военный трибунал за переход на сторону противника. Этого оказалось достаточно. Вот что говорилось в сообщении Наркомвоена от 29 мая 1918 г. о чехословацком восстании: «Чехословацкий корпус в течение месяцев стремился покинуть пределы России. Военный комиссариат принял со своей стороны необходимые меры, чтобы сделать это возможным. При этом было поставлено условие: чехословаки сдают все оружие, за вычетом небольшого количества винтовок на каждый эшелон для несения караульной службы. Продвижение эшелонов шло беспрепятственно, при полном содействии местных Советов. Японский десант во Владивостоке и выступление семеновских банд сделали дальнейшее продвижение эшелонов на Восток невозможным. Народный комиссариат приостановил движение, чтобы выяснить условия возможности путешествия чехословаков через Архангельск.

Тем временем контрреволюционеры, среди которых главную роль играли правые с.-р., вели среди чехословаков демагогически бесчестную агитацию, уверяя их, будто Советская власть питает какие-то черные замыслы против чехословаков. Часть командного состава чешских эшелонов, и в том числе русские офицеры, находилась в непосредственной организационной связи с контрреволюционерами. Обнаружилось, что эшелоны недобросовестно отнеслись к обязательству сдать оружие и сохранили значительную его часть у себя. Демагогия и провокация контрреволюционеров привели к ряду конфликтов, которые в некоторых пунктах развернулись в настоящие боевые операции.

Народный комиссариат по военным делам совершенно точно и ясно известил всех заинтересованных лиц, и в первую голову самих чехословаков, о том, что Советская власть питает самые дружественные чувства по отношению к массе рабочих и крестьян чехословаков, являющихся братьями русских рабочих и крестьян. Однако Советская власть не может потерпеть того, чтобы сбитые с толку реакционными негодьями, белогвардейцами и иностранными агентами чехословаки с оружием в руках захватили железнодорожные станции и производили насилия над Советами, как это произошло в Ново-Николаевске. Военный комиссариат издал распоряжение о немедленном и безусловном разоружении всех чехословаков и о расстреле тех из них, которые с оружием в руках будут противиться мероприятиям Советской власти. Вместе с тем Военный комиссариат от имени всего правительства снова торжественно заявляет и подтверждает, что Советская власть относится с самыми дружественными чувствами к чехословакам и, со своей стороны, сделает все необходимое для того, чтобы дать им возможность в самый короткий срок покинуть пределы России. Но условием для этого является полная и безусловная выдача всего оружия и строжайшее подчинение предписаниям Народного комиссариата по военным делам. До тех пор, пока это не выполнено, распоряжение Народного комиссариата о беспощадных действиях против мятежников останется во всей своей силе. С Урала, из центральной России и Сибири двинуто достаточное количество войска для того, чтобы сокрушить мятежников и раз навсегда отбить у контрреволюционных заговорщиков охоту вовлекать одураченных ими людей в мятеж против Советской власти.

Судьба чехословацких рабочих и крестьян в их собственных руках»²⁴.

Мятеж начался в Кузбассе, в уездном городе Мариинске, где находился крупный отряд чехословаков. В объявлении капитана Кадлеца – командующего чехословацкими отрядами в районе города Мариинска – говорилось:

«Граждане!

Представители Советской власти из г. Красноярска вызвали меня вести с ними переговоры.

Так как условия их для меня неприемлемы, объявляю в г. Мариинске **военное положение**, причем смещаю представителей Советской власти и вызываю граждан г. Мариинска избрать себе новое правление, которое возьмет в руки власть. Двух из новоизбранных приглашаю явиться ко мне.

Командующий чешско-словацкими отрядами в г. Мариинске, временный командир 7-го чехослов. стрелк. Татранского полка, капитан **Кадлец**.

Мариинск, 27 мая 1918 г.»²⁵

Восстание чехословаков было повсюду поддержано белогвардейским подпольем и правыми эсерами. Чехословацкие части сыграли роль некой основы, вокруг которой объединялись русские антибольшевистские силы. А поскольку эшелоны Чехословацкого корпуса растянулись по Транссибирской магистрали, восстание сразу охватило огромную территорию.

²⁴ Троцкий Л. Как вооружалась революция. Т. 1. Б/и, 1923. С. 210–211.

²⁵ Максаков В., Турунов А. Хроника Гражданской войны в Сибири (1917–1918). М.-Л.: Государственное издательство, 1926.

Круговорот властей в природе

В течение июня – августа Советская власть была свергнута по всей Сибири. Первое время после переворота обстановка была чрезвычайно запутанной и получила наименование «демократической контрреволюции». Формально была провозглашена демократическая республика, но единой власти не было. В течение лета и половины осени 1918 года буржуазно-демократические правительства на всем пространстве от Уфы до Читы росли как грибы: Комитет Учредительного собрания (Комуч), Западно-Сибирский комиссариат, 23 июня 1918 года в Томске было создано очередное Временное Сибирское правительство – Западную Сибирь контролировали чехословаки и белогвардейцы (оно просуществовало до октября 1918 года). Впрочем, за это время правительство тоже успело выпустить деньги (они были действительны и позже, при Российском правительстве Верховного правителя адмирала Колчака и Уфимской директории) – вошедшие в историю под названием «сибирки». Кроме того, в сентябре 1918 г. была создана так называемая Уфимская директория, или, как они сами себя громко называли, Временное всероссийское правительство – на многопартийной основе. В «Акте об образовании всероссийской верховной власти» было сказано: «Государственное совещание в составе Съезда членов Всероссийского Учредительного Собрания и уполномоченных на то представителей Комитета членов Всероссийского Учредительного Собрания, Сибирского Временного Правительства, Областного Правительства Урала; казачьих войск: Оренбургского, Уральского, Сибирского, Иркутского, Семиреченского, Енисейского, Астраханского; представителей правительств: Башкирии, Алаш, Туркестана и национального управления тюрко-татар внутренней России и Сибири и Временного Эстонского Правительства; представителей съезда городов и земств Сибири, Урала и Поволжья; представителей политических партий и организаций: партии социалистов-революционеров, российской социал-демократической рабочей партии, трудовой народно-социалистической партии, партии “Народной Свободы”, всероссийской социал-демократической организации “Единство” и “Союза Возрождения России” – и единодушном стремлении к спасению страны, воссозданию ее единства обеспечению ее независимости

постановило:

Вручить всю полноту верховной власти на всем пространстве Государства Российского Временному Всероссийскому Правительству в составе пяти лиц: Николая Дмитриевича **Авксентьева**, Николая Ивановича **Астрова**, генерал-лейтенанта Василия Георгиевича **Болдырева**, Петра Васильевича **Вологодского** и Николая Васильевича **Чайковского**»²⁶.

Первое время не были запрещены профсоюзы, демократические свободы, даже Советы. Но позднее все левые партии были разгромлены и поставлены вне закона.

Все это время условия жизни, хоть и медленнее, чем в центре, ухудшались и на дальних территориях. Еще летом 1917 г. в Сибири царил изобилие: «26 июля (**1917 г.** – Авт.) с сибирским экспрессом я покинул Петроград, направляясь через Вологду, Екатеринбург и Иркутск в Забайкалье. Впервые после трехлетнего пребывания на фронте я увидел родную Сибирь. Несмотря на войну и последовавшую революцию, кругом мало что изменилось. Экономическое состояние Сибири и ее обитателей внешне не отражало той разрухи, которая уже наступила в стране. Станции были так же, как и в довоенное время, запружены лотками с жареными гусями, утками, поросятами и прочими предметами разнообразной деревенской кулинарии. Все было баснословно дешево: например, стоимость целого жареного поросенка не превышала 50 копеек, утка стоила 30 копеек и т. д. Это наглядно свидетельствовало о

²⁶ Максаков В., Турунов А. Хроника Гражданской войны в Сибири (1917–1918). М.-Л.: Государственное издательство, 1926.

хозяйственно-экономической мощи страны даже по истечении трех лет тяжелого военного напряжения...»²⁷

Но уже через год все изменилось. Вот как описано положение в Иркутске летом 1918 г. в воспоминаниях И.И. Серебренникова: «К лету 1918 года положение с продовольствием в городе сильно ухудшилось. Стал ощущаться определенный недостаток в различных продуктах. Впервые в истории Иркутска были введены продовольственные карточки на многие припасы, в том числе на печеный хлеб. Появились у городских хлебопекарен “хвосты” горожан, не очень радовавшихся всем этим нововведениям и начавших уже весьма иронически относиться к громко рекламируемым большевиками “завоеваниям революции”.

Помню, как в один из летних дней я взял с собою нашу продовольственную карточку, пошел к хлебопекарне и стал в “хвост” очереди. В нашем доме было кого послать на дежурство, но я решил проделать все сам, чтобы испытать лично это удовольствие. Кажется, я стоял около часа времени и затем получил фунт или два хлеба.

Было странно и непонятно, как могло случиться, чтобы хлебная Сибирь осталась вдруг без хлеба. Действительно, пути революции были неисповедимы...

Бродя по улицам города и наблюдая его праздничное оживление (*июль 1918 г.* – Авт.), я зашел, между прочим, в помещение Городской управы. Здесь было много народу. В думском зале происходила подписка на нужды Сибирской добровольческой армии. Я подошел к столу, где лежал подписной лист, и, вручив дежурившему у стола десять рублей, записал эту сумму в лист. Вслед за мной на листе расписался известный в Иркутске подрядчик-строитель Ж-в, считавшийся в то время миллионером. Я видел, что он подписал столько же, сколько и я, т. е. десять рублей, и не поверил своим глазам. Вот они, сибирские Минины, невольно подумал я: как щедро они жертвуют на борьбу с большевизмом, от которого им только что помогли избавиться эти же самые добровольцы... Я не мог не вспомнить тогда, что не так еще давно подрядчик этот был арестован большевиками по обвинению в спекуляции, сидел в Иркутской тюрьме и был освобожден только после внесения залога, вернее, выкупа, в сумме нескольких сот тысяч рублей...»²⁸

Надо отметить, что самоубийственную скупость по отношению к нуждам Белого движения проявляли многие представители русской буржуазии не в одной только Сибири. «Подрядчик-строитель Ж-в», не постеснявшийся «пожертвовать» десять рублей, весьма вероятно, «сберег» свои деньги для чекистов. Кто знает, может быть, перед расстрелом он вспомнил «щедро» пожертвованные им десять рубликов?

Уфимское правительство, хотя и с громким названием, просуществовало недолго. «Корабль сибирской контрреволюции» ощутимо несло вправо. Правые газеты требовали «железной руки», открытой военно-террористической диктатуры. На территории белых росли цены, разгул спекуляции ощутимо ударил по широким слоям города и деревни, вызывая всеобщее недовольство. Был объявлен сбор податей за несколько лет. В августе 1918 г. началась принудительная мобилизация в Сибирскую армию. Подавляющее большинство крестьян встретило ее резко отрицательно. В ответ власть обрушила на уклоняющихся от мобилизации и их родственников репрессии. Под порки, реквизиции и прочие насилия попадали не только бедные крестьяне, но также и середняки и даже кулаки.

В том же августе в порту Владивостока высадились экспедиционные части союзников бывшей Российской империи, которых позднее называли «интервентами» – Великобритании, США, Японии и т. д. Высаживались они для поддержки антибольшевистских правительств в Сибири, на Урале и на Дальнем Востоке. Естественно, военная помощь предоставлялась не бескорыстно – у каждой из союзнических держав был свой корыстный интерес, заклю-

²⁷ Семенов Г. М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М.: АСТ, 2002. С. 86–87.

²⁸ Серебренников И.И. Гражданская война в России: Великий отход. М.: АСТ; «Ермак», 2003. С. 330, 339.

чавшийся в получении концессий (в первую очередь на добычу полезных ископаемых и торговлю) на российских территориях, контроле над местным денежным оборотом и, в конечном итоге, над всеми действиями местных правительств.

Между тем продолжался рост инфляции, деньги всех разновидностей и достоинств стремительно обесценивались. Слабые, раздираемые интригами правительства не были способны найти выход из стремительно ухудшавшейся ситуации. К тому же началось контрнаступление Красной Армии: 7 ноября 1918 г. под ударами Особой и 2-й Сводной дивизий красных, состоявших из матросов, латышей и мадьяр, пал восставший Ижевск, а 13 ноября – Воткинск.

Неспособность организовать сопротивление большевикам вызвало недовольство белогвардейцев слабостью власти. Невозможно было побеждать под коллегиальным, многопартийным руководством. Необходимость перемен стала совершенно очевидной. Нужен был единый руководитель белых.

Верховный адмирал России

18 ноября в Омске группой офицеров был совершен переворот, в результате которого многопартийное правительство было разогнано, а власть передана популярному среди русского офицерства адмиралу Александру Васильевичу Колчаку, которого объявили Верховным правителем России. Он установил режим военной диктатуры и приступил к реорганизации армии и гражданского управления. Власть Колчака была признана союзниками России по Антанте и большинством других белых правительств.

В обращении Колчака к населению было сказано:

«Обращение адмирала Колчака к населению

18 ноября 1918 года Всероссийское Временное Правительство распалось. Совет министров принял всю полноту власти и передал ее мне, адмиралу русского флота, Александру Колчаку.

Приняв крест этой власти в исключительно трудных условиях гражданской войны и полного расстройств государственной жизни, объявляю:

Я не пойду ни по пути реакции, ни по гибельному пути партийности. Главной своей целью ставлю создание боеспособной армии, победу над большевизмом и установление законности и правопорядка, дабы народ мог беспрепятственно избрать себе образ правления, который он пожелает, и осуществить великие идеи свободы, ныне провозглашенные по всему миру.

Призываю вас, граждане, к единению, к борьбе с большевизмом, труду и жертвам.

Верховный правитель, адмирал *Колчак*»²⁹.

Одной из основных задач нового правительства Колчак считал налаживание местной экономики и торгово-финансовых отношений. В его декларации отмечалось: «...Считая себя правомочным и законным преемником всех бывших до конца октября 1917 года законных правительств России – правительство, возглавляемое Верховным правителем, адмиралом Колчаком, принимает к неуклонному исполнению, по мере восстановления целокупной России, все возложенные по ним на государственную казну денежные обязательства, как то: платеж процентов и погашений по внутренним и внешним государственным займам, платежи по договорам, содержание служащих, пенсии и всякого рода иные платежи, следуемые кому-либо из казны по закону, по договору или по другим законным основаниям.

Правительство объявляет при этом все финансовые акты низвергаемой Советской власти незаконными и не подлежащими выполнению, как акты, изданные мятежниками.

Верховный правитель, адмирал *Колчак*.

Председатель совета министров *Петр Вологодский*.

Члены совета министров: *Ю. Ключников, Г. Краснов,*

Л. Шумиловский, В. Сурин, И. Михайлов, И. Серебренников, Н. Зефилов, А. Гаттенбергер, И. Петров, Г. Гинс, С. Старынкевич, Н. Щукин, Л. Устругов.

Управляющий делами совета министров и Верховного правителя, профессор *Тельберг*.

21 ноября н. ст. 1918 г.»³⁰

Впрочем, не все признали адмирала Колчака Верховным правителем России. На него делали ставку в первую очередь англичане и другие западные союзники, а также белые офицеры, оказавшиеся в Сибири и на Урале. Между тем вечный смутьян атаман Семенов, игравший одну из главных ролей в Забайкалье и поддержанный японцами, решительно отказался признавать его верховенство, направив Колчаку следующую телеграмму:

«Телеграмма атамана Семенова адмиралу Колчаку

Омск, предсовмину Вологодскому. Харбин, генералу Хорвату. Оренбург, генералу Дутову и всем, всем, всем.

²⁹ «Правительственный вестник», № 2. 20 ноября 1918 г.

³⁰ «Правительственный вестник», № 6. 24 ноября 1918 г.

Историческая роль и заслуги перед родиной Особого маньчжурского отряда, напрягавшего в течение восьми месяцев все свои силы в неравной борьбе с общим врагом родины, стянутом для борьбы с отрядом со всей большевистской Сибири, неоспоримы.

Адмирал Колчак, находясь в то время на Дальнем Востоке, всячески старался противодействовать успеху моего отряда, благодаря чему отряд остался без обмундирования и припасов, имевшихся тогда в распоряжении адмирала Колчака, а посему признать адмирала Колчака как Верховного правителя государства я не могу. На столь ответственный перед родиной пост я как командующий дальневосточными войсками выставляю кандидатами генералов: Деникина, Хорвата и Дутова; каждая из этих кандидатур мною приемлема.

Походный атаман дальневосточных казачьих войск и командующий корпусами 5-м Приамурским и отдельным Восточным казачьим, полковник **Семенов**»³¹.

Такая откровенная оппозиция Верховному правителю объяснялась просто – в противовес фавориту западных интервентов, который с их подачи не разрешил даже дислоцировать в Омске два японских пехотных полка, Страна восходящего солнца противопоставила Колчаку своего ставленника – атамана Семенова. Они уже давно прикармливали этого казачьего предводителя и не жалели средств на вооружение его отрядов. Еще до того как Колчак захватил власть в Омске, Семенов объявил себя главой «временного правительства Забайкалья». В сентябре 1918 года на японских штыках он утвердил свою столицу в Чите.

Адмирал Колчак поначалу не придал значения инциденту. Тогда японцы намекнули атаману, чтобы он действовал смелее. И вот по приказу Семенова было внезапно прервано железнодорожное сообщение между Омском и Владивостоком. Попутно Семенов конфисковал транспорт шкурок черно-бурой лисицы и песка, принадлежавший американской фирме «Вульфсон». Он же перехватил часть золота, направленного Колчаком во Владивосток. Затем задержал партию бумаги для печатания денежных знаков, посланную в Омск из Америки.

Колчак тут же подписал указ о смещении взбунтовавшегося атамана со всех должностей. Генералу Волкову он приказал возглавить экспедицию в Читу, чтобы покарать непослушных. Однако произошло то, что и должно было произойти. Японское командование вдруг заявило, что немедленно пресечет любые военные действия омских властей против Семенова.

Пришлось вмешаться в конфликт американцам и англичанам. Отношения между двумя правителями были улажены. Семенов признал Колчака и разрешил возобновить движение поездов. Колчак отменил свой указ о смещении Семенова, более того, позже объявил о назначении его генерал-губернатором Забайкалья.

Все это время продолжали хождение «сибирки», в том числе и при власти Колчака. Был продолжен выпуск краткосрочных обязательств достоинством в 500, 1000 и 5000 рублей разных сроков. Вместе с тем в названии этих обязательств, очевидно для повышения значимости, было исключено слово «Сибири» (хотя в народе все равно сохранилось старое название). Кроме того, решено было ввести в оборот обязательство в 100 рублей. Кроме того, в мае 1919 года в распоряжение правительства Колчака из Америки прибыло 25 миллионов рублей бонами 50-копеечного достоинства.

Они, как и другие дензнаки, были изготовлены в Америке еще по заказу Временного правительства А.Ф. Керенского, подтвержденному правительством Колчака³².

Вот только с надежным обеспечением у них дело обстояло, мягко говоря, плохо, а вернее, никак. Инфляция была такой, что родилась шутка – за воз сена нужно отдать воз «сибирок». После того как правительство Колчака в январе 1920 года перестало существовать,

³¹ Зензинов В.М. Государственный переворот адмирала Колчака в Омске. 6 М./и, 1919. С. 83–84.

³² Николаев Р.В. Деньги адмирала А.В. Колчака // Петербургский коллекционер, № 1(22). СПб., 2003.

разного рода спекулянты с выгодой для себя использовали эти деньги... на Камчатке. Это в наши дни до этого полуострова можно добраться на самолете, а в те времена это был настоящий край света. И на этом краю света не знали, что реальная стоимость «сибирок» примерно такая же, как у оберточной бумаги, и охотно меняли эти бумажки на полновесные иены, доллары, царские рубли.

Всего в Омске белогвардейскими правительствами за период с 1 октября 1918 года по 16 декабря 1919 года было выпущено обязательств на сумму 12,5 миллиарда рублей, при этом основное количество (97,4 %) – правительством Колчака³³.

Легкость подделки краткосрочных обязательств («сибирок») привела к широкому распространению фальшивок. В своей записке к адмиралу министр финансов Л. фон Гейер 31 октября 1919 года докладывал, что сумма действительно обращавшихся среди населения краткосрочных обязательств значительно больше стоящей на балансе ввиду огромного количества фальшивых купюр. Из-за легкости их подделки в Сибири и за границей тут же возникли специальные мастерские. В сибирских газетах того времени не редкостью стали следующие сообщения:

«В городе обнаружена мастерская фальшивых денежных знаков. При обыске обнаружено фальшивых бумажек на 1,5 миллиона рублей» (г. Красноярск, «Свободная Сибирь», 27 августа 1919 год).

Но основой колчаковских финансов, без сомнения, стал захваченный при содействии чехословаков в 1918 г. в Казани золотой запас Советской республики, тот самый знаменитый «золотой эшелон», о котором впоследствии был снят известный приключенческий фильм. Оказался он в Казани потому, что она считалась наиболее безопасным местом. Большевики не могли себе представить стремительности и размаха контрреволюционных восстаний. Но Казань пала так же быстро, как и остальные города. Огромные ценности в 651 миллион рублей золотом и 110 миллионов рублей кредитными билетами белогвардейцы перевезли в Самару, а затем в Омск, в распоряжение адмирала Колчака. Золото разместили в двух кладовых Омского банка. Охраняли его колчаковцы и иностранные солдаты под командованием американских офицеров. Когда в ноябре 1919 года колчаковцам и интервентам пришлось отступать под ударами Красной Армии, они угнали вагоны с золотом в Иркутск, где опять же дислоцировался значительный чехословацкий контингент.

Между тем у Колчака, несмотря на поддержку интервентов, дела обстояли далеко не блестяще. Если еще в декабре 1918 года колчаковские войска перешли в наступление и 24 декабря овладели Пермью, то вскоре потерпели поражение под Уфой и вынуждены были прекратить наступление. Правда, затем все белогвардейские войска на востоке были объединены в Западный фронт под командованием Колчака, в состав которого вошли: Западная, Сибирская, Оренбургская и Уральская армии.

В начале марта 1919 года хорошо вооруженная 150-тысячная армия А.В. Колчака развернула наступление с востока, намереваясь соединиться в районе Вологды с Северной армией генерала Миллера (Сибирская армия), а основными силами наступать на Москву.

³³ Погребецкий А.И. Денежное обращение и денежные знаки Дальнего Востока за период войны и революции с 1914 по 1924 г. Харбин: б/и, 1924.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.